

**РУССКАЯ
ПРАВДА**

**БОРИС
МИРОНОВ**

**ЛЮБОВЬ
КРАСНОКУТСКАЯ**

**ЧЁРНАЯ
МАНТИЯ**

АНАТОМИЯ РОССИЙСКОГО СУДА

Русская правда

Борис Миронов

**Черная мантия. Анатомия
российского суда**

«Алисторус»

2012

Миронов Б. С.

Черная мантия. Анатомия российского суда / Б. С. Миронов — «Алисторус», 2012 — (Русская правда)

Книга «Черная мантия. Анатомия российского суда» войдёт в литературу, достоверно отразившую наше мутно-смутное время, когда инструментом власти стали провокации и фальсификации, к числу которых относится и так называемое «покушение на Чубайса». Никогда прежде так тщательно не препарировали ни один уголовный процесс, вскрывая гнойные пороки нынешней следственно-судебной системы, что и делает книгу захватывающим остро-сюжетным детективом. Достоверность материалов «Чёрной мантии» подтверждают аудиозаписи всех 72-х заседаний суда.

© Миронов Б. С., 2012

© Алисторус, 2012

Содержание

Без правды жизнь по совести невозможна	5
Напутствие	7
Суд присяжных – последний оплот справедливости	8
Черная мантия. Анатомия российского суда	10
Четвертый суд – четвертый эшафот	10
«Ё-моё! Достали уже!»	15
Смертельный коктейль	18
Охранник Чубайса показал на суде, что машину Чубайса никто не обстреливал	21
Потерпевший «Не знал», «Не думал», «Не предполагал»	23
Свидетель обвинения: «Я не вникал, что подписывал»	26
Охрана Чубайса собирала на обочинах мусор и отлавливала гастарбайтеров	29
Шедевр прокурорской логики	33
Куда уехал лесовоз?	35
Необъяснимая щедрость Чубайса	38
Свидетели-фантомы и лесовозы-призраки	41
Свидетель по вызову	44
Нехорошая квартира	48
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Борис Миронов, Любовь Краснокутская

Черная мантия. Анатомия российского суда

Без правды жизнь по совести невозможна

За минувшие 20 лет политических потрясений, в которые ввергнута Россия, немало было событий громких и даже исторических. Но даже на их фоне события, которым посвящена предлагаемая вам книга привлекают своей чрезвычайностью и общественной значимостью.

17 марта 2005 года в ближнем Подмоскowie взорвался заряд на обочине шоссе, когда мимо проезжала машина Председателя РАО «ЕЭС» А. Чубайса. Практически сразу же по обвинению в покушении на высокого российского чиновника арестован полковник ГРУ Квачков. В апреле по этому делу арестованы Р. Яшин и А. Найденов, в федеральный розыск объявлены И. Миронов, Е. Пажетных и сын В. Квачкова Александр. В январе 2006 года с участием присяжных заседателей начался суд над В. Квачковым, Р. Яшиным и А. Найденовым. В декабре 2006 г. арестован И. Миронов...

Таково внешнее начало дела, которому суждено стать особой страницей в истории российского правосудия, да и вообще в истории России.

Книга, которую вы держите в руках, – это документ. И не только документ, в котором излагается ход знаменитого процесса (хотя и такая сухая хроника была бы интересна), а документ, сохранивший для нас и наших потомков интонации и нюансы процесса, обнаживший многие подводные течения вокруг «дела Чубайса».

Любовь Краснокутская совершила гражданский подвиг – она скрупулезно, день за днем зафиксировала процесс развития и умирания этого дела, процесс рождения, трудного укрепления и торжества Правды.

Мало знать официально провозглашаемую точку зрения обвинения на взрыв и события, с ним связанные. Недостаточно знать реальные причины роспуска прокуратурой двух коллегий присяжных, что не предотвратило оправдательного вердикта в июне 2008 г., вынесенного по настоящему делу третьей коллегией присяжных, как и причины отмены оправдательного приговора Верховным Судом Российской Федерации. 21 августа 2010 года коллегия присяжных заседателей Московского областного суда вынесла новый оправдательный вердикт, на основании которого 29 сентября 2010 г. в отношении обвиняемых В. Квачкова, И. Миронова, А. Найденова и Р. Яшина состоялся оправдательный приговор. Но и это знать мало.

Главное, все же, – понять. Понять, почему процесс по делу о далеко не единственном в нашей сегодняшней жизни взрыве вызвал не только внимание всей страны, но и симпатии общества к обвиняемым. Почему процесс (не его результат, а само дело) стал очередной дырой в репутации власти. Эта книга дает неангажированному читателю материал для понимания. Не навязывает своих оценок, а лишь убирает максимальное число «фиговых листьев» с произвола. Книга позволяет увидеть Правду, а без Правды жизнь по Совести невозможна. У России будет благополучное и счастливое будущее только в том случае, если фундамент этого будущего станет создаваться правдой и справедливостью, добрыми помыслами и делами.

Уверен, эта книга вносит важный и своевременный вклад в создание в России гражданского общества, в упрочении в массовом сознании ценностей справедливости и свободы, неприкосновенности и достоинства личности, нерушимости всего комплекса прав и свобод человека и гражданина.

С. Н. Бабурин,
доктор юридических наук, профессор,

заслуженный деятель науки Российской Федерации

Напутствие

Для чего я, человек, отдавший борьбе с преступностью более сорока лет, пишу напутствие читателям этой уникальной книги, уникальность которой в том, что ни один судебный процесс прежде не освещался так документально подробно – 72 прямых со стенографической точностью репортажа с суда? Когда читал первые судебные статьи-отчеты по делу покушения на А. Б. Чубайса, честно признаюсь, сомневался, что так может вершиться сегодня правосудие. Когда же мне, Фоме неверующему, дали прослушать аудиозапись суда, вот тогда я и решил, что непременно напишу это свое напутствие, адресуя его молодому поколению служителей Фемиды, идущему нам на смену. Чтобы они осознали весь трагизм несоответствия символа беспристрастности и объективности Богини правосудия Фемиды, статуи которой украшают наши суды, и отраженной в книге российской судебной реальности, далекой и от объективности, и от беспристрастности.

До каких пор мы будем ходить в неучах истории, забывая, как беспощадна Фемида к отступникам. В пример тому большевики, которые, как только пришли к власти, попирая основы правопорядка, свой «карающий меч революции» отдали на службу «красному террору». Но скоро под меч попали сами меченосцы, творцы «красного террора». Хорошо знаю это по архивным сороковым лет материалам Лубянки: только за два года более 600 смертных приговоров, в основном тем, кто в 20-е годы руководствовался не законом, совестью и справедливостью, а «революционной целесообразностью», как сегодня многие облаченные в черную мантию, о том свидетельствует эта книга, руководствуясь целесообразностью нынешнего момента. Поскольку тогда действовало постановление компартии о применении физической силы к шпионам и врагам народа, Фемида работала с изощренной жестокостью: пытки использовались повсеместно. Изобретательности отечественных душегубов могла бы позавидовать средневековая инквизиция в Европе. Лишь в 1953 году Берия уничтожает следы этой дикости.

Не так давно внук известного революционера, расстрелявшего пол-Мурманска в 30-е годы, просил российские власти реабилитировать благообразного дедушку, дескать, обидно за родословную. Спросите: а при чем тут процесс, которому посвящена эта книга? При том, что это одна и та же материя, только времена другие. Пытать и стрелять нынешних отступников от идеалов Фемиды скорее всего не будут. Но если кому и удастся избежать суда земного, проклятия опозоренных внуков и правнуков достанут их и в преисподней.

С первых шагов служения Богине правосудия надо помнить, что настоящее государство заинтересовано лишь в истинном правосудии, в служении Закону, и в этом сила, непоколебимость государства. Чтобы потом не обивали ваши отпрыски пороги высоких инстанций, желая реабилитировать честь фамилии, опозоренной вами в служении не Истине, не Правде, не Закону, не Справедливости, а лишь своим корыстным, карьерным интересам. Данная книга принудит подумать об этом. Нужно, чтоб вы ее прочитали.

*А. И. Гуров,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации*

Суд присяжных – последний оплот справедливости

Событию, известному в России как «покушение на Чубайса», скоро исполнится шесть лет. Уже в первые дни после него многие политики и эксперты не сомневались, что речь идет об инсценировке, имитации покушения, совершенной в политических или экономических целях. Я также в своих интервью высказывался в пользу подобной версии и продолжаю настаивать на ней, будучи убежденным в невиновности обвиняемых по этому делу В. Квачкова, Р. Яшина, А. Найденкова, И. Миронова.

Они уже дважды оправданы судом присяжных, и документальная хроника последнего судебного процесса, предлагаемая вниманию читателя в этой книге, вызывает особый интерес. Я же хочу остановиться на особенностях дела о покушении на Чубайса, рассматриваемого в условиях современной системы российского правосудия. Судебный процесс, в котором потерпевшим является человек огромного политического влияния и громадных финансовых возможностей, в стране с насквозь коррумпированной властью в ангажированном российском суде, изначально считалось, просто не может вестись независимо и объективно. Обычно в таких случаях осуществляется энергичное давление на судью и присяжных заседателей, неизменно приводящее к обвинительному вердикту. Но обвиняемые по делу о покушении на Чубайса ДВАЖДЫ оправданы коллегией присяжных, а до того две коллегии были распущены накануне вынесения ими вердикта, по данным прокуратуры обещавшего быть оправдательным. Следовательно, в деле о покушении на Чубайса четыре раза подряд не сработали властные и коррупционные механизмы получения нужного заказчику-потерпевшему судебного решения. Почему?

На мой взгляд, тут было счастливое для подсудимых совпадение двух причин. Во-первых, недоказанность причастности обвиняемых к вменяемому им преступлению, когда большинство доказательств грубо сфальсифицированы следователями. Во-вторых, резкое неприятие в обществе личности потерпевшего А. Б. Чубайса. По отношению к нему практически каждый гражданин России, которому достался бесполезный фантик ваучера, кто наблюдал осуществленное с помощью Чубайса восхождение нынешней олигархии к вершинам богатства и власти, кто прочувствовал все «блага» реформы РАО «ЕЭС России», так вот почти каждый сегодня в России может иметь «мотив на убийство Чубайса» из мести за его деятельность. Эти два обстоятельства делают каждый новый процесс по данному делу заранее предрешенным. И тем более интересно и поучительно, что власть, очевидно, сознавая всю тщетность судебных усилий осудить обвиняемых, все же раз за разом предпринимает невероятные усилия, чтобы получить обвинительный вердикт.

Факты, опубликованные в книге, уникальны тем, что это подлинные записи судебного процесса, где картина издевательства прокуроров и судьи над правосудием ради обвинительного приговора предстает во всем блеске людских страстей и ничтожности человеческих помыслов. И тем более отрадна развязка почти год длившейся судебной драмы – оправдание подсудимых большинством чести и долг сохранивших присяжных заседателей – судей из народа. А для судебно-правовой системы России хроника по делу о покушении на Чубайса – бесценный документ, свидетельствующий о состоянии судебной власти страны, где оправдания в преступлениях, которых ты не совершал, можно добиться только в суде с участием присяжных заседателей.

Но точку в этом процессе можно поставить только тогда, когда угодливые для власти фальсификаторы доказательств будут привлечены к справедливой ответственности.

*В. И. Илюхин,
доктор юридических наук, профессор,*

заслуженный юрист Российской Федерации

Черная мантия. Анатомия российского суда

Любовь Краснокутская

Четвертый суд – четвертый эшафот (Заседание первое)

Больше года прошло, как Верховный суд отменил оправдательный вердикт присяжных по делу «о покушении на Чубайса А. Б.». Вновь на скамье подсудимых Владимир Квачков, Роберт Яшин, Александр Найденов, с той лишь разницей, что вместе с ними судят теперь еще и Ивана Миронова. Это уже четвертый судебный процесс, в котором А. Б. Чубайс пытается убедить Россию, что на него действительно покушались и покушались именно те самые люди, которые вот уже пять лет несут на себе тяжкий крест обвинения.

Заседание началось рутинно. Судья Людмила Леонидовна Пантелеева изложила присяжным перечень их прав и обязанностей, объяснила, что они должны «разрешить вопросы фактов»: подтвердить или опровергнуть наличие самого события преступления, установить или отринуть причастность каждого из подсудимых к преступлению, установить, виновны или невиновны обвиняемые в преступлении.

И потекло судебное следствие размеренным чередом со вступительного заявления прокурора: «Это уголовное дело не совсем обычное, так как, во-первых, оно приобрело широкий общественный резонанс, а, во-вторых, все потерпевшие, к счастью, живы и будут давать показания по делу». Затем последовал перечень статей Уголовного кодекса, по которым судят В. В. Квачкова, И. Б. Миронова, А. И. Найденова, Р. П. Яшина. Список внушителен и тяжок, как мельничный жернов, который в вековую старину надевали обвиняемому на шею, топя горемычного в чертовом омуте: здесь и теракт, и покушение на убийство, и незаконное изготовление взрывчатых веществ, и приобретение и перевозка огнестрельного оружия, и умышленное повреждение чужого имущества путем взрыва... Все вроде грозно и весомо, да только слишком часто в прокурорских устах звучит «не установлено»: и боеприпасы-то у подсудимых неустановленные, и охотились они на Чубайса вместе с неустановленными лицами, и оружие, тоже, кстати, неустановленное, покупали в неустановленном месте у неустановленных лиц в неустановленное время, а потом хранили его опять же в неустановленных следствием местах... И даже для подготовки преступления использовали не только квачковский «СААБ» и миновскую «Хонду», но и неустановленный «ВАЗ». Справедливости ради следует отметить, что были и бесспорно установленные факты. В частности, сказал прокурор Каверин, «маршрут следования Чубайса был установлен». «Подсудимые, – подытожил прокурор, – свои действия по уничтожению Чубайса и других потерпевших не довели до конца по независимым от них обстоятельствам: машина Чубайса оказалась бронированной, а люди во второй машине сумели укрыться от выстрелов».

Судья задала подсудимым ритуальный вопрос: «Понятно ли Вам предъявленное обвинение и признаете ли Вы свою вину?» Спрошенный первым В. В. Квачков категорично заявил: «Нет, не понятно. Мне не понятно, почему событие 17 марта названо «покушением на Чубайса», мне не понятно, почему Чубайс называется «государственным и общественным деятелем». Чубайс являлся и является антигосударственным деятелем! Мне не понятно, на каком основании я обвиняюсь в этом событии, которое является имитацией покушения».

Судья переадресовала недоумение Квачкова прокурору, и Каверин принялся разъяснять: «Чубайс на момент преступления являлся председателем РАО «ЕЭС России», это государ-

ственная организация, поэтому он государственный деятель. Ранее он был членом Правления «Союза Правых Сил», поэтому он назван общественным деятелем».

Судья тут же подвела итог: «Обвинение Квачкову предъявлено в надлежащем виде» и обратилась к Ивану Миронову: «Понятно ли Вам предъявленное обвинение и признаете ли Вы себя виновным?».

«Нет, не понятно, – встал Иван Миронов. – Не понятно, почему мне вменяют 277-ю статью с формулировкой «теракт», если на момент предъявления мне обвинения в новой редакции Уголовного кодекса формулировка «теракт» из этой статьи устранена? Мне не понятно, почему вообще не обсуждается инсценировка покушения. Ведь то, что рассказал нам прокурор, не тянет и на дешевый сценарий».

«У Вас некорректное отношение к прокурору!», – сурово оборвала судья подсудимого.

Прокурор, ободренный поддержкой: «Если Вас там не было, подсудимый Миронов, откуда Вам знать, что это не теракт, а имитация?».

«Так я же уголовное дело изучал!» – изумился Иван Миронов.

Настал черед Роберта Яшина признавать или не признавать: «Мне не понятно предъявленное обвинение. Вины не признаю ни по одной из статей».

Последний из опрошенных судьей подсудимых Александр Найденов выразился коротко: «Обвинение мне понятно, как может быть понятна любая озвученная глупость».

Настала очередь озвучить свою позицию адвокатам. А. В. Першин (адвокат В. В. Квачкова): «Назвать это покушением язык не поворачивается, так как трудно поверить, что в мирное время без всяких помех офицер с таким опытом не смог осуществить подобную акцию. Все, что происходило, – это имитация покушения. Защита считает, что она могла быть осуществлена самим Чубайсом».

О. И. Михалкина (адвокат И. Б. Миронова): «Мы полагаем, что это имитация, а не покушение, и Иван Миронов не имеет к ней никакого отношения».

Р. С. Закалюжный (адвокат Р. П. Яшина): «Это – имитация. Открытым остается вопрос: был ли Чубайс вообще в машине, которую подрывали. Мотивы имитации нами будут предъявлены позже».

Е. Н. Котеночкина (адвокат А. И. Найденова): «Мы считаем, что это – инсценировка, и мой подзащитный Найденов не имеет к ней никакого отношения».

На том закончилась первая часть судебного заседания. Вторую посвятили допросу потерпевшего А. Д. Дорожкина, водителя чубайсовской машины.

Начал прокурор Каверин: «Расскажите, что с Вами произошло 17 марта 2005 года».

А. Д. Дорожкин: «Мы выехали с дачи в начале десятого. Я поставил машину у подъезда, подъехал Крыченко (помощник Чубайса. – Авт.), минут через десять вышел Чубайс, мы поехали. Я ехал с маяком, несколько раз обгонял машины. Держался разделительной полосы, до обочины было примерно полтора метра. Раздался взрыв, машину отбросило влево. Появились сколы на стеклах. Сверху полетели детали. Плафон вылетел. Мне пришлось подруливать в свой ряд, так как навстречу ехал автобус. Не знаю, что бы было с пассажирами. Ведь машина – четыре тонны! Справа по кузову раздались железные удары. Я понял, что стреляют из автомата. Скорость была около сорока километров. Я нажал на газ, и мы уехали. Чубайс спросил, все ли живы. Сначала ехали со скоростью 120 километров, думали, будет погоня. Машину повело вправо, я понял, что пробито колесо. Нам выслали резервную машину. Мы остановились у поста ГАИ на пересечении МКАД с Ленинским проспектом, где Чубайс пересел в машину «Тойота Лендкрузер», небронированную. Я отвел машину в гараж РАО, мы осмотрели ее: правое колесо пробито, рваные отверстия от пуль, штук двенадцать. Одно из отверстий было около моего виска (здесь и далее выделено мною. – Авт.). Я еще подумал тогда: что случись, кто бы кормил мою семью! Машина БМВ – бронированная, колеса с резиновыми вставками, если подожьют, ехать можно. На лобовом стекле три скола по два миллиметра. Когда я

открыл капот, нашел три гайки и несколько разломанных шайб. Я думаю, что они из взрывного устройства...»

Прокурор: «У Вас было сопровождение?»

Дорожкин: «У нас не было тогда сопровождения. Эта машина за нами шла – она просто трассу контролировала. Как они попали за нами, я не знаю».

Прокурор: «Как шла взрывная волна?»

Дорожкин: «Волна шла от передней правой фары».

Прокурор: «Как Вы поняли, что это автоматные пули?»

Дорожкин: «Во-первых, быстро. Во-вторых, что еще-то? Я выстрелов не слышал. Взрыв и потом застучали пули».

Прокурор: «Кто был с Вами в машине?»

Дорожкин: «Крыченко и Чубайс».

Прокурор: «Извне можно их разглядеть?»

Дорожкин: «Нельзя, стекла тонированные. Силуэты видно».

Прокурор: «Предусмотрено ли было сопровождение вас какой-либо личной охраной?»

Дорожкин: «У нас тогда ничего не было. Мы ездили всегда одни».

Прокурор: «Как Вы расцениваете заявления, что это – имитация?»

Дорожкин: «Мне показалось, что это не имитация. Машину бросило. Взрыв нормальный. Все было, наверное, по-настоящему».

Прокурор: «То, что машина Чубайса была защищена броней, было ли каким-то секретом?»

Дорожкин: «Думаю, что нет».

Прокурор: «Получили ли Вы сами телесные повреждения? Каково было Ваше состояние?»

Дорожкин: «Повреждений не было, но когда осознал это, то состояние у меня было... психологическое, наверное, как еще сказать?»

Настала очередь Андрея Шугаева (адвоката А. Б. Чубайса) расспрашивать водителя о пережитом.

Шугаев: «Если машина бронированная, можно ли определить в движении, бронированная машина или нет?»

Дорожкин: «На ходу, наверное, нельзя определить».

Шугаев: «А степень ее защиты?»

Дорожкин: «Выдерживает выстрелы из снайперской винтовки».

Шугаев: «Около поста Чубайс пересаживался в другую машину. Она была бронированная?»

Дорожкин: «Нет».

Шугаев: «Кто-нибудь видел, как Чубайс пересаживался?»

Дорожкин: «Я не знаю. Пост ГАИ на другой стороне».

Шугаев: «Сколько времени заняла пересадка?»

Дорожкин: «Секунд двадцать».

Шугаев: «Воронку от взрыва видели на следующий день?»

Дорожкин: «Воронка метров пять, машина целиком может туда уйти».

Мирно тек допрос А. Д. Дорожкина стороной обвинения. Дорожкин отвечал, не спотыкаясь, не сомневаясь, не задумываясь. Но ладный строй показаний водителя был нарушен неудобными вопросами стороны защиты.

Квачков: «Александр Дмитриевич, Вы когда лучше помните события – сейчас или пять лет назад?»

Дорожкин: «Пять лет назад».

Квачков: «Почему же Вы скрывали столько лет, что Чубайс пересаживался в другую машину?»

Судья снимает вопрос.

Квачков: «Вы говорили на прошлом заседании суда, полтора года назад, что в РАО «ЕЭС» приехали на другой машине?»

И этот вопрос судья снимает.

Квачков: «Вы всегда говорили, что 17 марта Чубайс приехал в РАО не на Вашей машине?»

Дорожкин насупленно и отчего-то зло: «Нет, не всегда».

Квачков: «В чем заключаются отличия по внешнему виду бронированной машины от небронированной?»

Дорожкин: «По внешнему виду – по колесам, по стеклам».

Квачков: «Вам известна стойкость машины на подрыв?»

Дорожкин: «Не знаю».

Квачков: «Сколько лет Вы возите Чубайса?»

Дорожкин: «Одиннадцать лет».

Квачков: «Вы одиннадцать лет не замечали машину охраны?»

Дорожкин: «Да это же не машина охраны!»

Квачков: «Какова была глубина воронки?»

Дорожкин: «Метра полтора, наверное».

«Сопровождения у вас не было в принципе или только в тот день?», – уточняет Иван Миронов.

Судья незамедлительно снимает вопрос.

Миронов: «Какова стоимость бронированного автомобиля А. Б. Чубайса?»

Дорожкин: «Семьсот тысяч долларов».

Миронов: «Простите, я не ослышался – 700 тысяч долларов!?»

Дорожкин: «Да, семьсот тысяч долларов».

Адвокат Михалкина: «Вы нашли под капотом какие-то гайки, а дальше что с ними было?»

Дорожкин: «Выбросил».

Михалкина: «Что случилось с автомашиной после 17 марта?»

Дорожкин: «Не знаю, больше я ее не видел».

«Кого из подсудимых Вы видели на месте происшествия?» – спрашивает Роберт Яшин

Дорожкин: «Никого».

Яшин: «Вы когда поняли, что это был взрыв: во время взрыва или через некоторое время?»

Дорожкин: «Когда пули застучали».

Яшин: «До того, как пули застучали, Вы какое расстояние проехали?»

Дорожкин: «Метров пять».

Яшин: «А скорость какая?»

Дорожкин: «Километров сорок».

Адвокат Закалюжный: «Сколько раз Вы слышали звуки от пуль?»

Дорожкин: «Не меньше трех-четырех».

Закалюжный: «Как это согласуется с двенадцатью отверстиями, которые Вы видели в гараже?»

Дорожкин зло: «Никак не согласуется».

Закалюжный: «Вы что-нибудь слышали о расстреле автомашины Чубайса в гараже? Вы не участвовали в нем?»

Судья торопится снять вопрос.

Александр Найденов: «Какой временной промежуток между взрывом и попаданием пуль?»

Дорожкин: «Секунда, полторы».

Найденов: «Когда Вы слышали взрыв, что происходило между пассажирами?»

Дорожкин: «Они разговаривали, обсуждали какие-то вопросы. А после взрыва звонили по телефону».

Найденов: «В момент подрыва и обстрела какие действия пассажиров Вы наблюдали?»

Дорожкин: «Я ничего не слышал, никакой реакции».

У судьи единственный вопрос: «Вы сказали, что после взрыва никакой реакции от Чубайса не последовало. И как после этого Вы можете объяснить, что они сразу стали звонить?»

Тут бедный Дорожкин окончательно запутался, начал бессвязно бормотать, что «это было во время взрыва, а то после взрыва, но отнюдь не в процессе взрыва...».

Так был ли Чубайс 17 марта на Митькинском шоссе или его там не было, осталось невыясненным. Путаный рассказ Дорожкина о поведении Чубайса во время и после взрыва лишь укрепил сомнение в его нахождении там. Как мог в четыре тонны броневик передвигаться со скоростью 120 км в час с подбитым колесом? Зачем водитель выбросил части взрывного устройства и почему они не понадобились следствию? Была ли у Чубайса охрана или нет, и для чего тогда существовала машина сопровождения, от которой шофер всячески открещивался? Действительно ли автоматные пули свистели у виска Дорожкина, пробив насквозь бронированную капсулу БМВ, неуязвимую даже для снайперской винтовки, или все же бронь высшего уровня, что на БМВ Чубайса, неуязвима для подобного клева пуль?..

«Ё-моё! Достали уже!» (Заседание второе)

Любителям ток-шоу «Суд идет!» настоятельно советую посетить процесс по делу о «покушении на государственного и общественного деятеля Чубайса А. Б.» в Московском областном суде, вот где действительное ристалище подлинных судебных страстей!

Заседание началось с заявления Шугаева. Бессменный защитник Чубайса выступил с докладом на трех гражданок, выставивших у забора суда плакатик «Чубайс – виновник Саяно-Шушенской катастрофы». «Это злостное давление на присяжных!» – ябедничал Шугаев, требуя внести свою кляузу в протокол. Судья послушно внесла, как лыко в строку, – про запас, из которого, если что не так, сплетут отмену оправдательного вердикта.

Сторона защиты в долгу не осталась. Адвокат Квачкова Першин подал заявление – письменный юридический ликбез для судьи, которая запретила ему говорить при присяжных о том, что его подзащитный – кандидат военных наук и прошел четыре войны. Судья ссылаясь на ст. 335 УПК, но закон запрещает исследовать факты прежней судимости, признания подсудимого алкоголиком или наркоманом, словом, негатив, оглашение же положительных сведений закон никак не ограничивает.

Вошли присяжные. Все встали.

В программе заседания значилось оглашение показаний на следствии Дорожкина, водителя Чубайса. Сказанное им прежде мало походило на то, что он говорил теперь. Сразу же после взрыва на Митькинском шоссе Дорожкин объяснял следователю, что взрыва они не почувствовали, подчеркнув мощь машины – четыре тонны! и потому, не снижая скорости, добрались на своих колесах прямо до РАО «ЕЭС», где Дорожкин высадил Чубайса у спецподъезда. Говорил прежде, как беспокоился Чубайс об охране из машины сопровождения, повелев помощнику дозвониться до них, узнать: нет ли раненых... И как же все вдруг изменилось с тех пор!: и машину-то бросало как пушинку, и пули-то у них свистели прямо над головой (в бронированной капсуле!), и броневик их осколки с пулями порвали весь в клочья, и сопровождения-то у них никакого отродясь не было, ездят, как перст, одни, вот даже машину пришлось вызывать другую, так что Чубайс приехал на работу в тот день вовсе не с Дорожкиным... Где тут правда, где тут ложь? Дорожкин понуро поплелся к трибуне.

Квачков: «Вы утверждали раньше, что автомашина Мицубиси сопровождала вас каждое утро, а сейчас говорите, что не сопровождала?»

Дорожкин: «Не знаю, как объяснить, но она никогда не сопровождала».

Квачков: «Объясните это противоречие».

Дорожкин: «Я сейчас спокоен, а тогда был под воздействием взрыва».

Квачков: «Ваше состояние 19 марта, через два дня после события, позволяло Вам точно изложить события, или Вы сейчас их лучше излагаете?»

Дорожкин: «Сейчас лучше».

Квачков: «Поясните разницу в показаниях о машине – охрана это или не охрана?»

Дорожкин: «Она нас не сопровождала».

Квачков: «Есть ли у Вас обязанности по обеспечению безопасности Чубайса?»

Дорожкин: «Обязанности определяются правилами дорожного движения».

Квачков: «В правилах дорожного движения про Чубайса ничего нет. По какой причине Вы скрывали на следствии, что Чубайс приехал в РАО на другой машине?»

Дорожкин: «Потому что нас никто не спрашивал».

Квачков: «Кто представлял БМВ для осмотра в гараже 17 марта 2005 года?»

Вопрос снят.

Адвокат Першин: «Вы заявляете, что охрану Чубайса никто не осуществлял, а на следствии говорили, что эта автомашина осуществляла охрану Чубайса?»

Вопрос снят.

Першин: «Вы можете утверждать, что данный взрыв и обстрел были направлены на автомашину Чубайса?»

Дорожкин: «Ну, попали же в нее».

Першин: «Но ведь попали и в машину Вербицкого, и в Мицубиси».

Молчит Дорожкин.

Адвокат Михалкина: «На следствии Вы показали: «Я не притормаживал, не снижая скорости покинул место взрыва». Подтверждаете это?»

Дорожкин: «Да».

Михалкина: «Почему на суде Вы меняете показания, говорите, что снизили скорость до 40 километров?»

Прокурор: «Я не вижу противоречий! Он по-другому выразился!»

Дорожкин: «Я сбросил газ, но не тормозил, машина сама сбросила скорость».

Миронов: «Подтверждаете ли Вы свои показания на следствии в части, что взрыва Вы не почувствовали?»

Дорожкин: «Если б я его почувствовал, то меня бы не было».

Судья: «Суд снимает вопрос Миронова, так как он задан в неправильной редакции». Пантелеева находит нужную страницу в деле, читает с выражением: «Взрывной волны от взрыва мы не почувствовали».

Миронов: «Вы подтверждаете свои показания, что «взрывной волны от взрыва вы не почувствовали?»

Адвокат Шугаев в ярости: «Хватит задавать такие вопросы! Это издевательство над потерпевшим!»

Миронов: «Вы подтверждаете свои показания в части, что на движение автомашины взрыв никак не повлиял?»

Дорожкин: «Нет. Не подтверждаю».

Миронов: «Тогда почему Вы лгали следствию?»

Вмешивается судья: «Миронов, Вы позиционируете себя как культурный человек, а вопрос формулируете бестактным образом. Из-за некорректности он снимается».

Миронов: «Почему Вы вводили следствие в заблуждение?»

Дорожкин: «По-моему, отличий нет».

Миронов: «Так Вы подтверждаете показания на следствии или не подтверждаете?»

Молчание в ответ.

Миронов: «Еще вопрос: возможно ли резко сбросить скорость четырехтонной машины с 70 до 40 километров без нажатия на тормоз?»

Судья Пантелеева: «Этих показаний у Дорожкина нет!»

Адвокаты защиты дружно протестуют, так как накануне именно эти слова слышали из уст Дорожкина.

Найденов: «Вы сейчас работаете в той же должности?»

Дорожкин: «Да».

Найденов: «Анатолия Борисовича возите?»

Дорожкин: «Вожу».

Найденов: «Вы в своих показаниях полностью независимы от Чубайса?»

Дорожкин: «Да».

Адвокат Закалюжный: «Почему в показаниях на предварительном следствии и в суде имеются расхождения в сроках использования автомашины Чубайса. Сначала говорили – один год, а позавчера – уже четыре года».

Дорожкин: «Это так следователь записал».

Судья растерянно и с укоризной: «Дорожкин! Вам не надо отвечать без моего разрешения. Вопрос снимается».

Закалюжный: «Возражаю!»

Яшин: «Как присяжные правду узнают?!»

Судья удаляет присяжных и предупреждает Яшина о нарушении порядка. Шугаев тут как тут: требует удалить Яшина из зала суда и расценивает объявление Квачковым себя потерпевшим, как давление на присяжных – это их может разжалобить. Адвокат Квачкова в недоумении: «Это же реплика на заявление Шугаева, что мы издеваемся над потерпевшими». Вклинивается вдруг Дорожкин: «Да вы каждый раз издеваетесь! Е-мое! Достали уже!» Все озадаченно примолкли, глядя на прослезившегося Дорожкина. Судья быстро переключает всеобщее внимание на очередной проступок защиты: «Господин Першин, Вы позволяете себе в суде совершать религиозные обряды – креститесь! Свои религиозные убеждения Вы должны совершать в ином учреждении!» В зале скользнула тень 37-го года. Скользнула и растворилась в судебной суете. Судья поставила вопрос об удалении подсудимого Яшина из зала.

Квачков: «Попытка удалить Яшина – это попытка суда пресечь объективное судебное разбирательство. Вы, Ваша честь, препятствуете объективному рассмотрению дела. То, что господин Дорожкин путается в своих показаниях, – это же очевидно. То, что он в течение двух лет обманывал и следствие, и суд, является косвенным свидетельством имитации покушения. Думаю, что возражение Яшина, выраженное в резкой форме, является ответом на Ваши неправомерные действия, Ваша честь».

Судья: «Суд считает возможным не удалять Яшина, ограничившись предупреждением».

Присяжные возвращаются, суд продолжается.

Смертельный коктейль (Заседание третье)

Если кто думает, что суд – это место, где нудным голосом зачитываются скучные документы, он глубоко заблуждается. В наше время в нашей стране суд – это площадка политических споров, яростных дебатов, страстных речей, обращенных к лоящей каждое слово аудитории. Третье заседание началось именно в таком драматическом ключе. В этот день стороны защиты и обвинения предстали перед судьей без присутствия присяжных, чтобы обсудить процедурные вопросы, а именно – отвод судьи по требованию В. В. Квачкова: «Судья Пантелеева прямо или косвенно заинтересована в обвинительном исходе судебного процесса, все вопросы защиты снимает. И, главное, судья отказывается исследовать объект преступления – самого Чубайса. Имеет ли он статус государственного и общественного деятеля, из-за чего применяется к подсудимым 277-я статья (теракт), или он деятель антигосударственный и антиобщественный, каковым его считает вся Россия. Вот почему защита требует отвода судьи».

При упоминании родного имени Чубайса адвокат Шугаев встрепенулся: «С чего Вы взяли, что вся Россия ненавидит Чубайса? Это не ходатайство об отводе судьи, это политическое заявление!»

Не упустил случая лизнуть Чубайса помощник Чубайса Крыченко: «Жаль, Квачков, что Вас не слышит моя девяносточетырехлетняя бабушка, которая является представителем многочисленной части россиян, которые не считают его тем, кем... не хочу даже здесь говорить».

Миронов: «Моя бабушка тоже любит моих начальников, Ваша честь».

Судья обрывает: «Здесь Вам не политический театр, Миронов!»

...В отводе судьи Пантелеевой судья Пантелеева подсудимому Квачкову отказала.

Пригласили присяжных. Продолжился допрос помощника Чубайса Крыченко, с «полным, – как он сам заявил, – средним образованием». Он был интересен не тем, что говорил, а тем, что пытался не сказать: «17 марта 2005 года утром я приехал на дачу Анатолия Борисовича. Подошел Анатолий Борисович. Сели в машину, поехали на работу, по дороге обсуждали с Анатолием Борисовичем служебные вопросы. Не доезжая до перекрестка Митькинского шоссе с Минским шоссе, справа от автомашины раздался взрыв, настолько сильный, что посыпались детали обшивки внутри автомашины. Спустя мгновение раздались удары, явно не снежки. Я инстинктивно пригнулся. Сначала я не поверил, что это был взрыв. Потом вспомнил эпизод в 99-м году, когда меня взорвали в Грозном, я тогда работал в ФСО. Мы доехали до Минского шоссе, я позвонил в приемную правления, сказал, что нас взорвали, но мы можем двигаться и едем в РАО. Кому-то звонил Анатолий Борисович. Я заметил, что машина двигалась странно. Оказалось, что у нее пробито колесо. Потом оказалось, что оно разломано. Я позвонил водителю Ленд-Крузера, чтобы он нас встречал. Тут мне водитель сказал, что у нас горит колесо. Мы остановились и пересадили Анатолия Борисовича в другую машину. Спустя время я осмотрел машину. Зрелище было удручающее. **В стойке отверстия – аккуратно против моей головы.** Капот пробит, а колесо – его практически не было! Нас спасла эта машина, если бы не она, вряд ли бы мы имели возможность здесь сейчас выступать».

Прокурор: «Какова реакция Чубайса на событие?»

Крыченко: «Волевая, мужественная реакция. Он понял, что нас взорвали. Он попросил меня узнать, живы ли ребята. Я связался с правлением, и они через руководство ЧОПа узнали, что живы. Хотя у них были проблемы».

Прокурор: «Личную охрану Чубайс имел или нет?»

Крыченко: «В таком виде, как это принято было, – нет, не имел».

Прокурор: «Было ли сопровождение вашей машины раньше?»

Крыченко: «Я не смотрел».

Прокурор: «Удары о дверь были до взрыва или после?»

Крыченко: «После взрыва. Если вы сидите в замкнутом пространстве, вы ничего не слышите, а потом удары – цок, цок, цок...».

Прокурор: «Что это было – продукты взрыва или выстрелы?»

Крыченко: «Думаю, что это был смертельный коктейль. Я запомнил – капот, лобовое стекло и дырку от пули».

Прокурор: «Получили ли Вы телесные повреждения?»

Крыченко: «Телесных повреждений я не получил. В состоянии нервного возбуждения я стал входить, когда начал понимать, что мы были на волосок от смерти. Это состояние давало потом периодически о себе знать».

Прокурор: «Исходя из позиции подсудимых, была ли это инсценировка?»

Крыченко: «Нет, это самый натуральный взрыв. Причем взрыв направленный. Хотели убить Анатолия Борисовича, и не заботились о том, что могли погибнуть и другие люди».

Шугаев (адвокат Чубайса): «Чубайс произносил «все живы»?»

Крыченко: «Не могу сказать точно».

Шугаев: «Что видели в момент покушения?»

Крыченко: «Взрыв, удар, хлопок – и лобового нет! Вспышек не было, звезды были!»

Шугаев: «От шока?»

Крыченко: «Конечно!»

Сысоев (адвокат Крыченко): «Опишите, как ведет себя машина с пробитым правым колесом?»

Крыченко: «Она вела себя так: падает на переднее колесо, ход ухудшается, но если водитель мастер, то ехать можно».

Квачков: «В течение какого времени Вы служили офицером ФСО?»

Вопрос снят.

Квачков: «Вам было известно, что охрана Чубайса возложена на ЧОП «Вымпел-ТН»?

Вопрос снят.

Квачков: «Вам было известно, что Чубайса сопровождает одна машина охраны, а вторая его встречает?»

Крыченко: «Меня вопросы охраны не интересовали».

Квачков: «Что Вы лично должны были делать в случае нападения на Чубайса, как бывший профессиональный охранник?»

Крыченко: «Вы унижаете мой статус! Я – помощник Председателя правления РАО ЕЭС!»

Квачков: «Кто был старшим по безопасности в БМВ?»

Крыченко: «Не знаю».

Квачков: «По какой причине Вы скрывали, что прибыли с Чубайсом в РАО на другой машине?»

Крыченко: «Я не скрывал, меня об этом не спрашивали».

Видя, как нервничает, суетится помощник Чубайса, судья Пантелеева стала снимать все вопросы подряд. Невыясненным осталось, почему Крыченко скрывал, что у Чубайса была охрана, почему Крыченко, как черт от ладана, отрешивается от машины сопровождения, почему Крыченко и судам, и следствию все годы врал, что Чубайса доставили к месту работы в подорванном БМВ... Вопросы повисали без ответов, накапливались новые, их тоже снимали.

Квачков: «Что Вам известно о подготовке покушения на Чубайса в 2002 году?»

Прокурор: «Возражаю! Это домыслы!»

Квачков: «Во втором томе дела, на листе 112-м – вот где эти домыслы!»

Вопрос снят.

Квачков: «Что Вам известно о подготовке передачи мнимому киллеру 19 тысяч долларов США за подготовку покушения на Чубайса в 2002 году – том 2, лист дела 115?»

Вопрос снят.

Першин (адвокат Квачкова): «Видели ли Вы кого-либо из подсудимых в районе взрыва?»

Крыченко: «Нет».

Миронов: «Вам известна судьба главного вещественного доказательства по делу – бронированной автомашины БМВ? Где она находится? Вам известно, что она продана?»

Судья: «Вы задаете вопрос, не относящийся к делу. Вопрос снимается».

Миронов: «Получили ли Вы сумму в размере ста тысяч долларов США по итогам мероприятия 17 марта 2005 года?»

Крыченко испуганно: «Я... я ничего не получал!»

Судья с любопытством, недоверчиво: «Миронов, откуда Вы это знаете?», но тут же спохватывается: «Вопрос снимается!»

Яшин: «Вы обладаете специальными знаниями эксперта по баллистике?»

Крыченко: «Нет, не обладаю».

Яшин: «Тогда на каком основании утверждаете, что, находясь на простой автомашине, Вы бы погибли?»

Крыченко: «Это мое предположение».

Найденов: «Вы сейчас в финансовой или иной зависимости от Анатолия Борисовича находитесь?»

Крыченко: «На свои живу! И еще хочу ответить на вопрос, который мне здесь не задавали. В этой истории в очень нехорошем, нервном состоянии находились наши родные и знакомые. Вам, присяжные, хочу это сказать. Очень плохо они себя чувствуют, у кого-то нервные срывы, кто-то боится ходить на работу и его надо провожать». Крыченко судорожно вобрал воздух, в раздумьях, что бы еще добавить о своих родных и знакомых для весомости обвинения подсудимых, но... просто не нашел слов.

Охранник Чубайса показал на суде, что машину Чубайса никто не обстреливал (Заседание четвертое)

Если кто-то думает, что маленький человек не может изменить ход истории, то очень ошибается. Маленький человек, этакий крохотный винтик в тяжелом и хитроумном механизме, может так слететь с резьбы, что весь механизм рассыпется. Героем дня стал Сергей Моргунов, охранник, ехавший в автомашине Мицубиси-Лансер вслед за броневиком Чубайса. То, что он рассказал суду, не имело ничего общего с тем, что говорили до него чубайсовский водитель Дорожкин и помощник Чубайса Крыченко. Выяснилось, что машина охраны сначала ехала впереди бронированного БМВ, но буквально за миг до взрыва броневик резко обогнал собственную охрану.

«После взрыва, – уточнил Моргунов, – машина председателя РАО «ЕЭС» затормозила, а потом последовала дальше, не останавливаясь». Охранники же, которым инструкцией предписано в такой ситуации забирать к себе «охраняемое лицо» и рвать на всех скоростях, остановились ... «посмотреть воронку от взрыва», а увидели в придорожном лесу двух человек в масках, которые тут же открыли огонь из автоматов.

Итак, первое откровение Моргунова – машину Чубайса никто не обстреливал! Неизвестные начали стрелять, когда БМВ с Чубайсом след простыл. Тогда кто и где обстрелял БМВ? Ведь вся страна видела по телевизору чубайсовский броневик с дырками от пуль и таких повреждений насчитали аж двенадцать!

Второе откровение Моргунова – машину Чубайса тщательно охраняли. И не одна машина прикрытия была у Чубайса, а две. Пока непонятно, зачем водитель и помощник Чубайса, уже допрошенные в суде, стремились скрыть это от присяжных, и, не страшась ответственности за лжесвидетельства, упорно ввали суду?

Моргунов рассказал суду, что когда по ним открыли огонь, он, старший машины охраны, опытный офицер, имеющий за плечами Академию ФСБ, прежде, чем начать ответно стрелять, позвонил своему начальнику – руководителю ЧОПа Швецу, доложил, что попали под обстрел, спросил, что делать. Швец приказал **«ответный огонь не открывать»**.

«Но почему?! Почему Вы не стали стрелять? – выплеснул свое недоумение Иван Миронов. – Ведь они могли просто подскочить к вам и расстрелять в упор?!»

«Как-то не пришло это в голову, – не ко времени улыбнулся Моргунов. – И потом у них – автоматическое оружие, а у нас – пукалки».

По ходатайству подсудимых огласили показания Моргунова следствию и трем предыдущим судам. Путанные, противоречивые показания, начиная с допроса 18 марта 2005 года. Кстати, это всегда вызывало удивление, ведь всех охранников Чубайса, застигнутых следователями на месте взрыва, допросили тот час, а вот старшего и самого опытного – Моргунова опросили лишь сутки спустя. И вдруг Моргунов в присутствии присяжных проговаривается, что и его 17 марта долго допрашивали.

«Куда же делся Ваш допрос от 17 марта 2005 года?» – тут же вцепился в него Владимир Квачков. И не он один, весь зал затаил дыхание.

«Я не знаю!» – спохватился Моргунов.

«Ваша честь! – развернулся Квачков к судье. – Я заявляю о преступлении, совершенном следователем Московской областной прокуратуры. **Из уголовного дела изъяты показания Моргунова от 17 марта 2005 года!**»

Вы думаете, что судья постановила направить запрос в прокуратуру? Как бы не так! Вместо этого судья ... удалила Квачкова из зала «за нарушение порядка в судебном заседании»

и попросила присяжных заседателей «оставить без внимания сведения, оглашенные Квачковым, о том, что Моргунов допрашивался 17 марта 2005 года, так как данных об этом в уголовном деле не имеется».

Потерпевший «Не знал», «Не думал», «Не предполагал» (Заседание пятое)

В Российской истории пропажа ценнейших документов не редкость: утрачена знаменитая библиотека Иоанна Грозного, сгорело в пожарах Москвы в 1812 году великое «Слово о полку Игореве», гибли архивы и музейные собрания в революционном пламени 1917 года, так что терять документы нам не привыкать, отчего многие факты истории предстают сегодня в чудовищно искаженном виде. Теперь вот выяснилось, что потерял еще один исторический документ, способный пролить свет на события 17 марта 2005 года, – допрос Моргунова, охранника из машины сопровождения Чубайса. Квачков не замедлил выступить с обвинением следствия в фальсификации доказательств путем изъятия протокола допроса и ходатайствовал перед судьей допросить Моргунова вновь, чему воспротивился прокурор Каверин, заявивший, что «Моргунов, говоря, что его допрашивали, не вкладывал в слово «допрос» то значение, которое вкладываем в него мы все».

Адвокат Першин резонно возразил: «Но ведь протоколы допрошенных в тот же день и там же таких же охранников Ключкова и Хлебникова в деле есть, нет только показаний Моргунова. Это означает, что их изъяли умышленно, чтобы скрыть обстоятельства дела, возможно, доказывающие, что это было не покушение, а имитация покушения».

Судья прислушалась к прокурору и отказалась расследовать судьбу чрезвычайно важных для выяснения истины показаний Моргунова. А допрашивать стали другого охранника из машины сопровождения Чубайса – Ю. А. Ключкова.

События 17 марта 2005 года Ключков представил так: «Мы с ребятами встретились в тот день в ЧОПе, Моргунов получил пистолет, и поехали к даче Чубайса. Мы объехали территорию дачи, на саму территорию дачи мы никогда не заходили. В начале десятого поехали в сторону Минского шоссе. По дороге нас обогнала машина Чубайса. В этот момент справа у обочины прогремел взрыв, посыпались снег, земля. У нас потрескалось лобовое стекло. Я и Моргунов вышли из машины и пошли посмотреть, что случилось, а также посмотреть, кто там в лесу сидел и приводил взрывное устройство в действие. В лесу мы увидели двоих, один из них присел и направил на нас автомат. Я заскочил в машину, думал, что Хлебников за рулем и мы уедем. В машине свистели пули, и я полез с заднего сиденья на переднее, но застрял. Хлебников мне помог выбраться из машины. Потом мы с Хлебниковым убежали в лес. Когда мы бежали, я не видел, как Моргунов уехал на нашей машине. Я посмотрел из лесу и увидел, что нашей машины нет. Скоро Моргунов вернулся, приехали следователи и нас начали допрашивать».

И выходило со слов Ключкова, что *взрыв прогремел, как только машина Чубайса после обгона встала перед машиной охраны*. Шансов поймать посторонним взрывникам такой момент математика практически не оставляет. И что делают профессиональные охранники с богатым опытом службы в ФСБ, ФСО, после взрыва? Вместо того, чтобы пуститься вдогонку за Чубайсом, – ведь основная засада может быть впереди, – офицеры, не прячась, выходят из машины, чтобы посмотреть – и кто же это там в лесу сидит и на кнопку взрывателя нажимает? Одно из двух: или сами, несмотря на академические знания и многолетний стаж работы в охране, полные идиоты, или держат за таковых судью, присяжных, прокурора и подсудимых.

Прокурор: «В какой момент Вы поняли, что это взрыв?»

Ключков: «Сразу. Почувствовал панику. Не пойми что делать. Я растерялся. Гул в ушах. Телесных повреждений не было».

Прокурор: «Опишите людей, которых видели в лесу».

Ключков: «Они перебежали по направлению к нам в масках. Лиц я не рассмотрел. Возраст не могу определить».

Прокурор: «Почему Вы считаете, что выстрелы были по Вам?»

Клочков: «Ну, ведь я – офицер ФСБ, и могу определить».

Прокурор: «Была ли это имитация, как считает сторона защиты?»

Клочков: «Я не считаю, что это была инсценировка. Это был взрыв и обстрел нас, безоружных».

Сысоев (адвокат Чубайса): «Как близко к вам ложились пули?»

Клочков: «Когда я был в машине, пули порвали обшивку сидений».

Сысоев: «Когда Вы поняли, что нападавшие скрылись?»

Клочков: «Когда утихла стрельба, и подъехал Моргунов, тогда и мы с Хлебниковым вышли из леса».

Квачков: «Вы, прячась от выстрелов, полезли в правую заднюю дверь, а почему не в переднюю левую?»

Клочков: «Чтобы хоть как-то укрыться за спинками передних сидений».

Першин (адвокат Квачкова): «Зачем вы остановили машину после взрыва, если автомашина охраняемого вами лица – Чубайса, поехала дальше?»

Клочков: «Я не был за рулем».

Першин: «Вы можете утверждать, что взрыв был направлен против автомашины Чубайса?»

Клочков: «Да, ведь меня устранять никто не собирался».

Першин: «Но обстреливали-то именно вас, а не Чубайса».

Клочков: «Это мое мнение».

Подсудимый Миронов: «Чем объяснить странное стечение обстоятельств, что взрыв на шоссе произошел именно тогда, когда БМВ Чубайса обогнал вас и стал впереди?»

Клочков: «Не могу ничем объяснить».

Миронов: «Сразу после взрыва Вы слышали выстрелы?»

Клочков: «После взрыва не слышал».

Миронов: «А когда вас начали обстреливать, где находилась машина Чубайса?»

Клочков: «Она уже уехала».

Миронов: «Когда Вы вышли из автомашины и прошли по дороге, чтобы посмотреть, кто осуществил взрыв, Вы находились в состоянии шока?»

Клочков: «Да, находился».

Миронов: «Вы, офицер ФСБ, не подумали, что Вас могут расстрелять из засады?»

Клочков: «Я не подумал».

Миронов: «Моргунов, когда вышел из машины, чтобы посмотреть, кто находится в лесу, достал пистолет?»

Судья снимает вопрос.

Миронов: «Входит ли в ваши обязанности пересадка охраняемого лица в вашу машину?»

Клочков: «Я таких обязанностей не знаю, потому что таких случаев не было. Что делать в таких случаях я не знаю».

Подсудимый Яшин: «Вы предпринимали меры для скрытного перемещения после того, как вышли из машины?»

Клочков: «Нет».

Яшин: «Почему?»

Клочков: «Не знаю почему».

Яшин: «Вы предполагали, что люди в лесу могут быть вооружены?»

Клочков: «Не предполагал».

Яшин: «*Можно ли заранее определить, не имея предварительной информации, что движение кортежа Чубайса будет именно по Минскому шоссе?*»

Клочков: «*Невозможно*».

Подсудимый Найденев: «Что мешало нападавшим подойти и добить вас?»

Клочков: «Ничего не мешало. Поэтому мы с Хлебниковым и ушли в лес».

Трудно представить себе офицера ФСБ, который впадает в шок от неподалеку прозвучавшего взрыва, потом, безоружный, открыто бредет по шоссе поглазеть на место взрыва и на людей, которые их подорвали, нисколько не опасаясь, что его могут уничтожить как опасного свидетеля?.. Но главная странность Клочкова впереди.

Прокурор: «10 марта вашей группой выявлялись какие-либо подозрительные лица? Расскажите, кого Вы видели».

Клочков: «10 марта 2005 года мы приехали в Жаворонки в 7.40 утра и обратили внимание на группу лиц. Мужчина пожилой в окружении ребят в черных куртках. Они стояли у железнодорожной станции на кругу. Я раньше работал в ФСБ и подумал, может среди них есть знакомые. Я подошел ближе. Знакомых среди них не оказалось. Записал в блокнот номера машин. Это были зеленый СААБ и серая Хонда. Номера машин я не помню. Ребята были от 30 до 35 лет. А мужчина – в камуфлированном бушлате и шапке-монголке».

Прокурор: «На каком расстоянии от них Вы прошли?»

Клочков: «Рядом, в нескольких метрах».

Прокурор: «Из тех лиц, кого Вы видели 10 марта, Вы кого-либо в зале суда видите?»

Клочков: «Тот пожилой мужчина очень похож на подсудимого Квачкова. На сто процентов не могу сказать, но очень похож».

Прокурор: «Чем напоминает Квачков того мужчину?»

Клочков: «Ростом, телосложением, мимикой, жестами, а так я не уверен, по лицу тяжело сказать».

Прокурор: «Как дальше действовал экипаж охраны?»

Клочков: «Мы доложили об этом руководству ЧОПа».

Подсудимый Квачков: «Я Вам предъявлялся для опознания?»

Судья снимает вопрос.

Першин: «Вы заявляли в ходе следствия, что Квачков похож на того пожилого мужчину?»

Клочков: «В ходе следствия – нет».

Першин: «А почему?»

Судья снимает вопрос.

Подсудимый Квачков протестует. Судья удаляет Квачкова за нарушение порядка в зале суда до конца судебного заседания.

Найденев: «10 марта Вы меня лично видели в той группе мужчин?»

Клочков: «Нет».

Яшин: «А других подсудимых, находящихся в зале?»

Клочков: «Нет».

Так Квачков это был на кругу или нет? – охранник Чубайса на этот вопрос так и не ответил, причем это было первое за все пять лет следствия и многочисленных судов его заявление о том, что он видел 10 марта, за семь дней до покушения, человека, похожего на Квачкова. То ли шок после взрыва у офицера ФСБ, наконец, прошел, то ли аргументы обвинения настолько ничтожны, что их обвинение решило укрепить новеньким «воспоминанием».

Свидетель обвинения: «Я не вникал, что подписывал» (Заседание шестое)

Наша судебная система, должная судить, как известно, без гнева и пристрастия, впервые за три с половиной года беспрестанных процессов по делу о покушении на Чубайса, ненадолго, на чуть-чуть, но действительно забыла о пристрастии. Может быть рухнувший на головы москвичей обильный снегопад тому причиной, а, может, обвал жестоких катастроф и настоящих терактов, рядом с которыми странное приключение с броневиком Чубайса выглядит неудачной карикатурой на теракт. Как бы там ни было, но судья Пантелеева в этот день почти не снимала вопросов.

До того, как в зал суда вступили присяжные заседатели, В. В. Квачков сделал заявление: «На судебном заседании 2 декабря 2009 года на вопрос прокурора «Не похож ли кто-либо из подсудимых на мужчин, виденных охранником Чубайса потерпевшим Ключковым 10 марта 2005 года в поселке Жаворонки?», Ключков ответил: «Да, Квачков похож на одного из мужчин». Мой вопрос о том, почему потерпевший Ключков изменил свои показания, данные им пять лет назад, судья сняла. Напомню, что тогда Ключков заявил: «В ходе опознания 25 марта 2005 года я не опознал предъявленного мне человека. Я с уверенностью утверждаю, что среди предъявленных мне лиц нет человека, которого я видел 10 марта 2005 года» (т. 2, л.д. 151). Согласно закону, повторное опознание лица не может быть проведено. Тем не менее, гражданка Пантелеева вынесла заведомо неправосудное постановление и показала свою заинтересованность в вынесении присяжными заседателями обвинительного вердикта. Гражданка Пантелеева совершила преступление. Прошу занести это заявление в протокол».

К заявлению о собственном преступлении Пантелеева отнеслась спокойно, позволив сторонам поспорить на заданную тему. Прокурор Каверин вступился за судью: «Заявление Квачкова не соответствует требованиям закона. Вопрос был снят, так как подсудимый Квачков ссылался на материалы опознания, которые еще не оглашались в суде».

Ему ответил Иван Миронов: «В случае с утверждением потерпевшего Ключкова об опознании Квачкова мы столкнулись с откровенной провокацией стороны обвинения. Ведь потерпевший Ключков многократно давал показания о том, что не опознал Квачкова. Сторона защиты, Ваша честь, просит огласить протоколы прежних допросов потерпевшего Ключкова и протокол опознания подсудимого Квачкова в связи с появлением существенных противоречий в показаниях потерпевшего».

Прокурор решительно запротестовал: «Сторона обвинения возражает против оглашения протокола опознания, потому что потерпевшему Ключкову предъявили Квачкова без предварительного допроса, где он дал бы его подробное описание. Указания возраста – 55 лет, и роста – ниже среднего, – явно было недостаточно, чтобы предъявлять Квачкова для опознания. И потом, до опознания потерпевший наверняка видел Квачкова по телевизору, поэтому опознание ценности не имеет».

Миронов: «Как я понял, господин прокурор требует признать незаконными результаты опознания Квачкова, которые признавались законными все пять лет процесса. Но сегодня, когда карточный домик следствия начинает рассыпаться, прокуратура пытается отменить собственные действия. Если прокуратура решила упражняться в подлости, цинизме, беззаконии...»

Судья резко обрывает Миронова, не желая слушать, в чем там еще упражняется прокуратура.

«Процесс является открытым, Ваша честь, – напомнил Миронов. – За ним следит все российское общество. Подобное заявление прокуратуры оскорбляет объективность и беспристрастность этих стен».

Ивана Миронова поддержала адвокат Оксана Михалкина: «Ваша честь, говорить, что Клочков не допрашивался о приметах виденного им 10 марта человека, не верно. Клочков описал его 18 марта 2005 года. И потом в качестве подтверждения обвинения следователь включил в дело протокол опознания, в котором Клочков не опознал Квачкова! Как же можно сейчас от него отказываться?!»

Судья после долгого раздумья: «Клочков, Вы действительно видели подсудимого Квачкова в телепередачах?»

Клочков: «Да-а-а, видел».

Судья возмущено: «Почему Вы не указали на опознании, что видели Квачкова по телевизору?»

Клочков молчит.

Судья решает: «Оглашение протокола опознания отклонить в связи с утверждением стороны обвинения, что Клочков видел Квачкова в средствах массовой информации. Суд предоставляет стороне обвинения время для доказательства этого утверждения».

В переводе с судебного языка на русский это означает, что прокуратура должна принести в зал суда заверенные нотариусом видеокопии телевизионных передач, в которых до 25 марта могли показывать Квачкова.

Наконец, в зал суда пригласили присяжных заседателей. Огласили показания Клочкова – охранника Чубайса, данные им на следствии. Они разительно отличались от того, что Клочков поведал суду накануне.

Адвокат Михалкина: «Почему 17 марта 2005 года Вы не говорили, что спрятались от выстрелов в машине и что Хлебников Вас оттуда вытащил?»

Клочков: «О чем меня спрашивали, на то я и отвечал».

Михалкина: «Почему на допросе 18 марта 2005 года Вы говорили, что пожилой человек в Жаворонках был в гражданской одежде, а сейчас говорите, что он был одет в камуфлированный бушлат?»

Клочков: «Бушлат без погон я считаю гражданской одеждой».

Михалкина: «Почему 18 марта Вы говорили, что вышли из машины 10 марта, думая, что в Жаворонках происходит оперативное совещание ФСБ, и надеялись разглядеть там своих знакомых, а теперь говорите, что Вы вышли из машины в магазин за сигаретами?»

Клочков: «Я упустил этот момент».

Адвокат Першин: «Почему на следствии Вы сказали, что охраняли Чубайса и его имущество, а теперь говорите, что Вы сопровождали автомашину Чубайса?»

Клочков: «Какая разница!»

Першин: «Почему на следствии Вы сказали, что после взрыва 17 марта вышли посмотреть, что случилось, а теперь говорите, что остановились, потому что не могли ехать из-за того, что у вас растрескалось лобовое стекло?»

Судья Пантелеева моментально снимает вопрос.

Першин: «Почему на следствии Вы не упомянули, что у вас потрескалось лобовое стекло?»

Клочков: «Я упустил это».

Першин: «То есть, когда лобовое стекло потрескалось – это не заметно?»

Вопрос снят.

Подсудимый Миронов: «Почему на суде Вы сказали, что ваша машина выехала первой с дачи Чубайса, и автомашина Чубайса обогнала вас именно в том месте и в то время, где и когда произошел взрыв, а на следствии говорили, «на двух машинах мы выехали с дачи Чубайса»?»

Клочков: «Во время взрыва наша машина находилась сзади, но следователя это не интересовало».

Миронов: «Почему на суде Вы говорите, что просто проверяете трассу перед проездом Чубайса, а на следствии Вы употребляли глагол «сопровождать», то есть обеспечивать охрану?»

Клочков: «Ехать за БМВ на Мицубиси просто невозможно. Это не реально. У Мицубиси 90 лошадиных сил, а у БМВ – 500. Сопровождением и личной охраной мы не занимались. У нас одна машина провожает автомашину Анатолия Борисовича, а другая – встречает».

Миронов: «Почему на следствии Вы скрыли, что у вас задействовано две машины сопровождения?»

Клочков: «Тогда еще не все преступники были задержаны. Я не считал нужным раскрывать ... Я был в шоковом состоянии и не вникал, что подписывал».

Подсудимый Найденов: «Вы видели, как Моргунов пробрался в салон автомобиля и отогнал машину в сторону Минского шоссе?»

Клочков: «Не помню».

Найденов: «Как Вам потом Моргунов объяснил необходимость своего отъезда?»

Клочков: «Он поехал вызывать милицию».

Найденов: «Он уезжал в сторону Минского шоссе один?»

Клочков: «Один».

Найденов: «Вы не видели, как отъезжал Моргунов, но при этом утверждаете, что он уезжал один».

Клочков: «Кроме нас там никого не было».

Подсудимый Квачков: «Когда Вы вышли из машины, Вы кого предполагали увидеть в лесу – разбойников, грабителей?»

Клочков: «Хотел увидеть, что произошло. Мы могли и террористов увидеть».

Квачков: «Тогда почему так беспечно шли к месту взрыва?»

Клочков: «Меня взрывали первый раз в жизни».

Квачков: «И Вы утверждаете, что Вы – бывший офицер ФСБ?»

Клочков: «Да».

Миронов: «Вы сказали, что взрыв должен был быть из леса. Вы обладаете информацией, которую могли бы доложить суду?»

Прокурор протестует: «Снимите вопрос, Ваша честь! Потерпевший это только предполагал».

Вопрос снимается.

Миронов: «С учетом обстоятельств взрыва и с учетом Вашего опыта работы в спецслужбе, скажите, детонация взрыва могла быть произведена из машины – из БМВ Чубайса? Радиодетонацию я имею в виду».

Судья заинтересованно: «Я правильно Вас поняла, Миронов, Вы спрашиваете, мог ли взрыв БМВ быть произведен из БМВ?»

Миронов: «Да, Ваша честь».

Судья: «Отвечайте, Клочков».

Клочков ошеломлен: «Я не знаю».

Охрана Чубайса собирала на обочинах мусор и отлавливала гастарбайтеров (Заседание седьмое)

Судебное заседание по делу о покушении на Чубайса, прошедшее накануне, подтвердило истину о превратностях судьбы. Сегодня ты – потерпевший и свидетель, и все сочувствуют перенесенным тобой страданиям, а завтра тебя объявляют преступником и расследуют уже твои показания, оказавшиеся наглой ложью. Адвокат Алексей Першин выступил с заявлением, которое сделало очень щекотливым положение одного из охранников Чубайса – потерпевшего Ключкова. Першин предъявил суду заявление о преступлении Ю. А. Ключкова, который пять лет спустя, на предыдущем судебном заседании, признался, что Квачков очень похож на мужчину, виденного им 10 марта 2005 года в полутора километрах от дачи Чубайса на железнодорожной станции Жаворонки. До этого ни на официальном опознании, ни на трех предыдущих судах Ключков не узнавал в Квачкове того подозрительного мужчину с железнодорожной станции. И вдруг потерпевший «прозрел»...

Адвокат Першин обвинил Ключкова, во-первых, в даче ложных показаний, в случае, если он солгал на опознании в 2005 году, когда не признал Квачкова, во-вторых, в фальсификации материалов уголовного дела, если потерпевший соврал здесь прямо в зале судебного заседания, через пять лет узнав в Квачкове человека со станции Жаворонки. При любом повороте событий внезапное просветление памяти потерпевшего Ключкова подпадает под соответствующую статью Уголовного кодекса, что требует обязательного разбирательства следственных органов.

Судья не стала возражать против прокурорского расследования, согласившись внести заявление защиты в протокол.

На нынешнем заседании показания давал водитель машины сопровождения Чубайса Дмитрий Хлебников. По сложившейся традиции прокурор попросил Хлебникова рассказать, что произошло на Митькинском шоссе 17 марта 2005 года. В отличие от офицеров ФСБ-ФСО профессиональных охранников Ключкова, Крыченко, Моргунова, которые свидетельствовали, что «пребывали в шоке» от случившегося, растерялись, испугались, спустя годы с содроганием вспоминали о пережитом, у Хлебников ничего подобного в рассказе не было.

«Мы встретились с ребятами рано утром в ЧОПе, – вспоминал Хлебников, – Моргунов получил табельное оружие, и мы выдвинулись в Жаворонки. Около девяти часов утра выехали из Жаворонков вместе с машиной Председателя. Движение было очень плотное. Через пятьсот-шестьсот метров после поворота на Митькинское шоссе машина Чубайса нас обогнала и встала перед нами метрах в четырех. **В ней был водитель и больше никого...** – Хлебников осекся, замер, с ужасом понимая, что проговорился, и спешно попытался спасти положение: – В общем, **я не знаю, был там кто или нет, кроме водителя.** БМВ попыталась пойти на обгон впереди идущей светлой девятки, и в этот момент я увидел, как БМВ слегка трянуло, но БМВ выровнялась и ушла вперед. Одновременно я увидел дым и подумал, что у меня взорвался мотор. Наша машина заглохла. Ударило волной по ушам, надавило на глаза. Мы остановились, и мои товарищи Ключков с Моргуновым вышли из машины, пошли посмотреть место взрыва. Я какое-то время сидел в машине, потом вышел вслед за ними. Сделал несколько шагов, раздались выстрелы, от асфальта полетели искры. Я присел за колесом, потом прибежал Моргунов, который тоже спрятался за колесом. А Юра Ключков заскочил в машину на пассажирское сиденье, я его потом за шиворот оттуда вытаскивал через водительскую дверь. Когда выстрелы кончились, мы с Ключковым побежали в лес, на противоположную сторону дороги. Там снегу по пояс. Моргунов в это время уехал на пост, где иногда бывают милиционеры. Он надеялся вызвать милицию. Когда он вернулся через несколько минут, за ним приехали пат-

рульные. И мы вышли из леса. На нашей машине было много повреждений: растрескавшееся лобовое стекло, дыра в боковом стекле размером с куриное яйцо, пробитый бензобак, пробитое колесо, поролон на сиденьях весь изорванный. Ехать на ней вслед за БМВ было бы очень трудно».

Клочков замолчал, очевидно, прикидывая, убедительной ли показалась картина событий. Картина присутствовавших в зале суда впечатлила. Особенно проговорка о том, что в машине Чубайса никого не было. Сторона защиты стала уточнять подробности.

Михалкина: «Какие служебные функции были у экипажа вашей машины?»

Хлебников: «Мы осуществляем контроль трассы. Проверяем путь предполагаемого следования машины Председателя. Смотрим, нет ли поваленных деревьев, больших коробок на обочине, каких-либо предметов, разбросанных на дороге. Тем более после выходных граждане оставляют по сторонам дороги много мусора. Мы все проверяем».

По залу прокатился веселый шепоток. Все живо представили себе охранников Чубайса, изюна в день трудолюбиво исследующих придорожный мусор.

Михалкина: «Вы осуществляете сопровождение автомашины Чубайса?»

Хлебников: «Мы не являемся машиной сопровождения. У нашей Мицубиси всего сто лошадиных сил, а у БМВ их шестьсот. Мы не можем за ней угнаться. Мы только контролируем трассу и провожаем БМВ на работу, а там ее встречает вторая машина».

Михалкина: «Вы осуществляете личную охрану Чубайса?»

Хлебников: «Нет, личную охрану Председателя мы не осуществляем. Согласно договору, мы охраняем имущество – машину и бумаги Председателя».

Михалкина: «Как же вы выполняете свои функции, то есть охраняете имущество и бумаги Чубайса, если эти имущество и бумаги от вас уехали, ведь, сами же говорите, что БМВ значительно мощнее вашей машины».

Хлебников: «Ну, уехали, так уехали».

Миронов: «Скажите, потерпевший, если Вы подумали, что у вас взорвался двигатель, если Вы почувствовали, что ваша машина заглохла, почему Вы направились не налево, по направлению к мотору, а двинулись направо за охранниками – посмотреть, как Вы говорите, место взрыва?»

Хлебников: «Я шел по кругу, хотел обойти машину и подойти к двигателю».

Миронов: «У Ваших товарищей было неустановленное оружие, которым они отстреливались?»

Хлебников с резким неожиданным вызовом: «Нет!»

Миронов: «Вы видели, как Моргунов уезжал с места происшествия?»

Хлебников: «Да, я видел из леса».

Миронов: «Он уезжал один?»

Хлебников: «Кроме нас там никого не было».

Миронов: «Как Вы видели, что он был один в машине?»

Хлебников: «Через открытую водительскую дверь».

Миронов: «Но ведь когда Моргунов сел в машину, он, очевидно, закрыл дверь или посадка могла осуществляться с другой стороны?»

Хлебников с нажимом: «Я видел через водительское окно, – никого не было!»

Миронов: «Стекла в вашей Мицубиси тонированные?»

Хлебников: «Да».

Миронов: «Через них можно что-то разглядеть?»

Хлебников через силу: «С трудом».

Зоркость водителя вызвала заслуженное удивление.

Яшин: «Скажите, пожалуйста, Вам известно, что Чубайс по выходным ездит на собственной машине, сам за рулем и без всякой охраны».

Хлебников: «Да, известно».

Яшин: «Какой марки его автомашина, она бронированная?»

Судья Пантелеева: «Я снимаю вопрос, как не относящийся к обстоятельствам уголовного дела. Вы, Яшин, еще номером поинтересуйтесь. Может быть, эта автомашина по-прежнему принадлежит Анатолию Борисовичу, потом жди чего угодно!»

Яшин: «Возражаю на Ваши действия, Ваша честь. Вы уже второй раз в этом процессе намекаете на то, что мы вытягиваем из подсудимых информацию для того, чтобы подготовить новый террористический акт. Меня не интересует, что там у Чубайса сегодня дома и на работе. Мы здесь расследуем происшествие 17 марта 2005 года, пытаемся понять, что там тогда в действительности произошло и ничего больше!»

Судья вызывает судебных приставов, приказывает им «очистить от Яшина зал до конца судебного заседания».

Возобновляется допрос Хлебникова.

Найденов: «Скажите, Хлебников, Вы видели место взрыва?»

Хлебников: «Да, видел. *Воронка метров шесть диаметром, глубиной по шю. Вокруг разбросаны всякие предметы, болты, гайки, скобы, арматура*».

Найденов: «Опишите их подробнее».

Хлебников поясняет: «Ну, там, это, значит, круглое, такое, это гайка, а вот длинное, вот такое – это, значит, ну это значит – болт».

Найденов: «Как, по Вашему мнению, они оказались на месте происшествия? Их кто-нибудь там разбросал или они от машины отскакивали?»

Хлебников глубоко и надолго задумывается: «Не знаю».

Квачков: «Вы 10 марта видели группу мужчин на станции у поселка Жаворонки?»

Хлебников: «Видел. Но я в машине сидел, их от меня еще две тонированные иномарки закрывали, поэтому не разглядел. Там вообще на станции такой бардак в это время! Автобусы подходят, люди высаживаются, идут на станцию, в магазины».

Квачков: «Как Ваши показания соотносятся с показаниями Клочкова, который утверждал, что в это время у станции всегда безлюдно, и в тот момент тоже никого не было, и группа мужчин бросалась в глаза?»

Хлебников теряется: «Э-э-э, ну, машины там действительно не останавливаются, только автобусы и маршрутки, и сразу уезжают, а люди сразу уходят. А эти стояли».

Квачков насмешливо: «И сколько они стояли?»

Хлебников: «*Мы наблюдали их минут пятнадцать*, потом мы уехали осматривать квартал дачи Чубайса».

Квачков: «Опишите, как Вы осматривали квартал Чубайса в поселке Жаворонки?»

Хлебников: «Моргунов и Клочков сначала обходят квартал пешком, осматривают его. Там граждане, бывает, коробки большие выставляют, мусор разный, лиц восточной национальности опять же проверяем. Потом объезжаем квартал. Если все спокойно, то докладываем. Еще раз говорю – мы осуществляем сопровождение автомашины Чубайса, мы охраняем его бумаги и имущество!»

Квачков: «Взрывная волна Вас не достала. Как Вам могло надавить на глаза и ударить по ушам, если стекло в машине не было разбито, а только потрескалось?»

Хлебников растерянно: «Не знаю...».

Странное впечатление оставляют допросы людей из машины, следовавшей за БМВ Чубайса 17 марта 2005 года. Охранники получили нервное потрясение, о котором долго молчали и лишь теперь жалостливо заговорили, водитель же машины был нерушим, как скала. Все трое отказываются от своих должностных обязанностей сопровождения автомашины Чубайса, хотя именно на этом делали акцент на первых допросах, зато без стеснения признаются, что роются в брошенном на обочинах мусоре и приглядываются к «лицам восточной националь-

ности» на предмет выявления опасностей для своего Председателя. А эта таинственная группа мужчин в черном на станции Жаворонки, где, по утверждению охранников, было то совершенное безлюдье, то безумное столпотворение, эта загадочная сходка, которой 10 марта 2005 года предводительствовал человек, то четыре с лишним года непохожий, то вдруг оказавшийся похожим на Квачкова. Наконец, загадочная проговорка Хлебникова, что кроме водителя в машине, подвергшейся нападению 17 марта 2005 года на Митькинском шоссе никого не было...

Шедевр прокурорской логики (Заседание восьмое)

Если вы полагаете, что суд – частное дело частных людей, когда одни отбиваются от обвинений, а другие пытаются наказать зло, и большинства из нас это не касается, то ошибаетесь. Суд, какой бы частный характер он ни носил, создает прецеденты, которые так или иначе могут коснуться каждого, а то ненароком и зашибить.

На минувшем заседании подсудимый Квачков ходатайствовал об оглашении протокола собственного опознания, в котором зафиксировано, что сразу же после ареста Квачкова охранник Чубайса Клочков не опознал в Квачкове мужчину, которого видел на железнодорожной станции Жаворонки. Ни на опознании, ни на двух предыдущих судах опознать не мог, а тут вдруг просветление нашло... На что прокурор потребовал ... изъять из дела протокол опознания, как недопустимое доказательство, на том основании, что «охранник Клочков мог до опознания видеть Квачкова по телевизору в экстренных выпусках новостей о покушении на Чубайса». Прокурор представил в суд видеоматериалы с выпусками телевизионных новостей, правда, неизвестно от какого числа и какого телеканала, но где действительно демонстрировали фотографии Квачкова времен афганской войны, еще молодого, сорока лет не было. Адвокаты Чубайса дружно поддерживали прокурора, изо всех сил добиваясь одного: о протоколе опознания, в ходе которого Квачков не опознан Клочковым, присяжные знать не должны.

Прокурор спросил Клочкова: «Скажите, потерпевший, как Вы объясните, что изменили свои показания?»

Клочков: «Просто я четыре года наблюдал Квачкова в судах, приглядывался к нему, хорошенько рассмотрел его – мимику, жесты, вот и узнал».

Найденов уточняет: «Скажите, пожалуйста, сколько лет мужчине на фотографии, которую Вы видели по телевизору до опознания?»

Клочков уверенно с готовностью: «55–60 лет».

Миронов улыбается: «Ваша честь, как понять прокурорскую логику: «потерпевший не узнал обвиняемого, потому что видел его по телевизору». Не узнал, потому что видел! Шедевр...»

Судья Пантелеева возмущенно обрывает: «Прекратите издеваться, Миронов. Шедевры – в Эрмитаже! А здесь суд!»

Миронов: «Это шедевр логики, Ваша честь».

Судья Пантелеева: «Миронов, Вы предупреждаетесь о некорректном отношении к прокурору!»

Миронов: «Понял. Допустим, мы приняли прокурорскую логику, но что это меняет? Ведь Клочков сейчас пояснил, что на фотографии он видел мужчину 55–60 лет. Но на фотографии, которую показывали по телевидению, человек моложе лет на двадцать, он не может подпадать под описание, данное в суде Клочковым. К тому же прокурор предъявил видеоматериалы, которые не имеют логотипа телеканала НТВ, а, значит, это рабочие материалы телеканала, из которых далеко не все попало в эфир. И не факт, что эти фотографии были показаны в эфире. И такая доказательная база является основанием изъятия протоколов опознания как недопустимого доказательства? К чему устраивать этот странный фарс?»

Судья, вся алая от злости: «Называя судебное заседание фарсом, Миронов, Вы оскорбляете всех участников процесса!»

Адвокат Михалкина: «Протокол опознания Квачкова оформлен строго в соответствии с законом и его следует огласить перед присяжными. Потерпевший Клочков так легко меняет показания, потому что истекает пятилетний срок со времени его первого допроса, и его не смогут привлечь к уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний».

Трудно сказать, какие доводы больше всего убедили судью Пантелееву, но она приняла единственно здоровое решение огласить перед присяжными заседателями протокол опознания Квачкова в марте 2005 года, когда охранник Чубайса Ключков, и это подчеркнуто в документе, уверенно не опознал Квачкова, то есть у него не было тогда никаких сомнений, что на железнодорожной станции Жаворонки точно был не Квачков.

А случись иное, и откажись судья под давлением прокурора от протокола опознания, – какой опаснейший прецедент был бы ею создан в судебной практике! Ведь сегодня, когда именно телевизионный показ фотографии или созданного оперативниками по свидетельским показаниям словесного портрета – фоторобота, очень часто помогает находить и обезвреживать преступников, – подобный прецедент мог подорвать всю доказательную базу следствия, основанную на свидетельских показаниях. Ведь тогда бы, после показа фотографии преступника или его фоторобота по телевидению, все опознания свидетелями пойманного преступника должны были бы признаваться недопустимым доказательством. Гуляй, маньяк, дальше! Или отменяйте бутовскому маньяку Пичушкину полученный им пожизненный срок, ведь его приговор основан на протоколах опознания потерпевшими, которые прежде могли видеть его фоторобот, очень схожий с оригиналом. Самое поразительное, что столь опасный судебный прецедент пыталась создать именно прокуратура, которая, казалось бы, больше всего заинтересована в том, чтобы опознание являлось прочной опорой доказательной базы обвинения. Может, потому, что не истина вовсе цель нынешней прокуратуры, а обвинительный приговор любой ценой. В таком случае впереди нас ждет целый вернисаж шедевров прокурорской логики, не постижимой ни умом, ни здравым смыслом.

Куда уехал лесовоз? (Заседание девятое)

Удивительно, что творят годы с памятью. Случившееся пять лет назад предстает в рассказах очевидцев настолько противоречивым, что если бы не протоколы допросов тех лет, можно было подумать, что речь о совершенно разных происшествиях. Разрешив огласить на суде показания Хлебникова, внесенные следователем в протоколы допросов сразу после взрыва на Митькинском шоссе в 2005 году, судья заранее предупредила присяжных заседателей: «Уважаемые присяжные, вы должны исходить не из того, есть ли противоречия в показаниях потерпевших, вы должны исходить из самих показаний, потому что противоречия могут быть существенными и несущественными». Нелегкое дело предстояло присяжным – отделить от существенных противоречий в допросах Хлебникова противоречия несущественные.

После оглашения показаний Хлебникова, первый вопрос водителю машины охраны Чубайса адвоката Оксаны Михалкиной: «Вы вышли из автомашины после взрыва вместе с двумя другими охранниками, как говорили на следствии, или Вы остались за рулем, как сказали нам на суде?»

Судья Пантелеева снимает вопрос.

Михалкина: «Почему в первых показаниях на следствии Вы упоминаете, что на дорогу выехал лесовоз, а на суде, спустя пять лет, говорите, что движение на дороге было прекращено?»

Хлебников: «Лесовоз действительно выехал в метрах 200–300 от нас».

Михалкина: «Значит, лесовоз был?»

Хлебников: «Лесовоз был».

Михалкина: «А почему Вы не сказали на суде, что Моргунов уехал с места происшествия, чтобы сообщить милиции номера лесовоза? Ведь именно об этом Вы говорили на следствии».

Хлебников: «На тот момент я не знал, зачем Моргунов поехал. Ну, выехал лесовоз, и что? В оперативной обстановке это ничего не меняет».

Равнодушие потерпевшего к лесовозу, выехавшему из леса сразу после взрыва и обстрела, и укатившему к Минскому шоссе, почему-то ни у кого, кроме подсудимых с защитниками, не вызвало удивления. Впрочем, и другие противоречия, которые обсыпали показания Хлебникова, как волдыри больного ветрянкой, обвинение проигнорировало. Подсудимый Миронов: «Чем объяснить, что на следствии Вы утверждали, что занимаетесь обеспечением охраны Чубайса, а на суде заявили, что охраны Чубайса Вы не осуществляете?»

Хлебников: «Я на следствии имел в виду охрану имущества и бумаг Чубайса».

Миронов: «Так Вы подтверждаете, что занимались обеспечением охраны председателя РАО ЕЭС?»

Судья начеку, вопрос снят.

Миронов: «На суде Вы заявили, что маршрут следования кортежа Чубайса Вы не знали, а на предварительном следствии Вы сказали, что Чубайс всегда ездит по этому маршруту, так как Минское шоссе скоростное. Чем вызвано то, что Вы изменили показания?»

Хлебников: «Я и эти показания на следствии подтверждаю, и то, что на суде говорил, подтверждаю».

Миронов: «На суде Вы сказали, что торможение автомашины БМВ было настолько сильным, что Вы едва не въехали в автомобиль Чубайса. А на предварительном следствии утверждали, что БМВ Чубайса уехал, даже не затормозив. Объясните противоречия в Ваших показаниях?»

Хлебников: «Расхождения здесь никакого нет совершенно».

Миронов: «На суде Вы сказали, что охранник Ключков заскочил от выстрелов в автомобиль, и Вы его оттуда за шиворот вытаскивали через переднее сиденье. А на предварительном следствии утверждали, что Вы все трое присели за колесами вашей автомашины, прячась от выстрелов. Вы подтверждаете свои показания на следствии?»

Хлебников внезапно раздражается: «Да, подтверждаю».

Миронов: «Тогда как же понять Ваши показания на суде о том, что Ключков залез в машину и Вы его вытаскивали?»

Хлебников злобной скороговоркой: «Все правильно. Просто когда 17 марта 2005 года я давал показания, их записывали очень быстро и на морозе».

Миронов: «Потерпевший, почему Вы так нервничаете?»

Вопрос снят, как «не имеющий отношения к обстоятельствам дела».

За нервозность Хлебникова обиделся Шугаев, адвокат Чубайса: «Ваша честь! Вопросы Миронова являются издевательством над потерпевшим!»

Першин, адвокат Квачкова: «Почему на следствии Вы утверждали, что после взрыва затормозили сами, чтобы выяснить, что произошло, а на суде сказали, что ваша машина заглохла и не могла двигаться?»

Хлебников неуклюже оправдывается: «Так как машина заглохла, я ее останавливал при помощи торможения».

Першин: «Почему на следствии Вы говорили, что взрывной волны не почувствовали, а на суде, что взрывной волной Вам надавило на глаза и уши?»

Хлебников: «17 марта 2005 года я еще ничего не осознавал, потому что времени прошло немного, и потом меня об этом никто не спрашивал».

Першин: «А разве на суде Вас кто-нибудь спрашивал, происходило ли давление на глаза и уши от взрывной волны?»

Вопрос снят.

Першин: «Почему последствия взрыва в вашем изложении с каждым допросом все усиливаются и усиливаются?»

Хлебников сквозь зубы: «Я всегда говорил одно и то же».

Першин: «Давая показания на следствии, Вы не смогли назвать ни одной буквы из номера автомашины Чубайса. Почему столько времени охраняя Чубайса и его автомобиль, Вы не смогли запомнить три буквы из его номера?»

Хлебников угрюмо бурчит: «Машина поменялась, номер поменялся, и вообще для меня самое главное – цифры, а не буквы».

Першин: «Откуда Вам было известно, что в БМВ Чубайса находился Чубайс и его помощник, как Вы показали на следствии? Ведь стекла автомашины БМВ тонированные».

Хлебников молчит долго, очень долго, и вдруг: «**Я не знал, кто там.** Машина вышла и все».

Першин: «Вам было известно, что в автомашине был Чубайс и его помощник?»

Хлебников наотрез: «**Мне неизвестно, был ли в автомашине БМВ Чубайс.**»

Вот опять, в который уже раз, судебное следствие возвращается к ключевой точке отсчета всех дальнейших событий: был ли Чубайс на месте «покушения» 17 марта 2005 года, если его там никто не видел, если охранники либо проговариваются, что его там не было, либо на всякий случай отнекиваются – «не знаю, не видел».

К Хлебникову обращается подсудимый Яшин: «По лесовозу проясните ситуацию. Он выехал оттуда, где стрелки были, с просеки? Так?»

Хлебников: «Да».

Яшин: «Через какое время после взрыва появился лесовоз?»

Хлебников: «Не помню».

Яшин: «До того, как Моргунов уехал?»

Хлебников: «Не помню».

Яшин: «Но Вы говорили, что Моргунов поехал сообщить в милицию про лесовоз и запомнил его номер?»

Хлебников: «Да».

Яшин: «Вы сказали, что лесовоз выехал на расстоянии 200–300 метров от вас. Моргунов мог разглядеть номера на таком расстоянии?»

Хлебников молчит.

Яшин: «Вы сами этот лесовоз видели?»

Хлебников обреченно: «Ну, если это в показаниях есть, значит видел. Он сильно у меня в памяти не отложился».

Яшин: «Опишите, какой он был, груженный – не груженный?»

Хлебников: «Лесовоз как лесовоз».

Яшин: «В кабине лесовоза помимо водителя могли уместиться еще два человека, те стрелки из леса?»

Адвокат Чубайса Шугаев встrepенулcя: «Ваша честь, прошу снять этот вопрос!»

Яшин настойчиво: «На этот вопрос как раз и надо ответить!»

Хлебников его разочаровывает: «Не знаю».

Яшин: «Лесовоз мимо Вас прошел?»

Хлебников: «Насколько я понял, он поехал не в сторону Минского шоссе, а в сторону станции Жаворонки».

Яшин: «Тогда чем Вы объясните, что на следствии Вы говорили: «Лесовоз поехал в сторону Минского шоссе?»

Хлебников вздыхает: «Ну, значит, поехал в сторону Минского шоссе».

Яшин неотступно: «А кто увидел номер этого лесовоза?»

Хлебников раздраженно: «Да не знаю я, кто его увидел!»

Чей лесовоз и чего он рыскал в районе взрыва – ответит ли кто суду?

Необъяснимая щедрость Чубайса (Заседание десятое)

Это очень мудро и трогательно, что при перемещениях по дорогам страны нынешних высокопоставленных лиц трассы блокируют, и бдительные гаишники не допускают автомобили простых граждан в близость к бронированным лимузинам высоких начальников. Подрыв, обстрел, даже бомбовый удар – лимузину все нипочем, а вот простые граждане, случись им ехать неподалеку от начальства, рискуют пасть жертвой на поле чужой брани. Вот почему странно и даже преступно по отношению к соотечественникам, что трасса из Жаворонков в Первопрестольную 17 марта 2005 года не перекрывалась, и беспечные жители Москвы и Подмосковья сновали по ней, не подозревая, что находящийся рядом с ними БМВ Чубайса – это грозный источник террористической опасности, потому что на машине Чубайса не было должных и необходимых предупреждающих знаков «Не ездь рядом – опасно для жизни!» или хотя бы «Кто не спрятался – Чубайс не виноват!» Вот почему были так беспечны братья Вербицкие, возвращавшиеся с суточного дежурства домой в то мартовское утро, каждый из них на своих «Жигулях», когда на Митькинском шоссе их нагнал надежно бронированный БМВ Чубайса и не замедлил раздаться взрыв. Чубайсу – ничего, он как ехал, так дальше и уехал, а вот одному из Вербицких, тому, что ехал перед БМВ, досталось. Подробно об этом рассказал сам И. Я. Вербицкий на очередном заседании суда: «Брат ехал впереди, я – сзади, на «девятке».

Прокурор: «Кто ехал сзади Вас?»

Вербицкий: «Машина с мигалкой. БМВ. Темного цвета».

Прокурор: «Вы видели, кто был в БМВ?»

Вербицкий: «Как увидишь, если стекла тонированные».

Прокурор: «Какие машины шли навстречу?»

Вербицкий: «Точно помню – автобус шел в сторону Жаворонок».

Прокурор: «В какой момент и по каким признакам Вы поняли, что произошел взрыв?»

Вербицкий: «Взрыв произошел сзади. Я его не наблюдал».

Прокурор: «Физически как Вы ощущали взрыв?»

Вербицкий: «Не сказать, что приятно. Уши заложило».

Прокурор: «А травмы были?»

Вербицкий: «Травм не было».

Прокурор: «Повреждения какие?»

Вербицкий: «И повреждений никаких».

Прокурор: «После взрыва Вы машину сами остановили, или она оказалась неисправна?»

Вербицкий: «Сам остановил».

Прокурор: «Какие еще машины остановились?»

Вербицкий: «Брата машина и Мицубиси».

Прокурор: «Были ли повреждения от пуль, осколков?»

Вербицкий: «Нет, не было, ни от пуль, ни от осколков».

Прокурор: «Вы видели лиц, которые стреляли?»

Вербицкий: «Нет, не видели. Там же лес».

Прокурор: «В вашу сторону пули долетали?»

Вербицкий: «Нет».

Прокурор: «Как вели себя люди в Мицубиси?»

Вербицкий: «Один вроде как за машину сел, а двое в лес убежали».

Прокурор: «В вашем присутствии Мицубиси уезжала?»

Вербицкий: «Уезжала».

Прокурор: «Был ли кто в Мицубиси, кроме водителя?»

Вербицкий: «Не знаю».

Прокурор: «Не было ли у Вас впечатления, что выстрелы, подрыв направлены против Вас?»

Вербицкий: «А чего в меня стрелять? Нет».

Прокурор: «Вы видели само место взрыва?»

Вербицкий: «Подходил, видел».

Прокурор: «Опишите, как выглядела воронка».

Вербицкий: «Небольшая такая вороночка».

Прокурор: «Размеры можете описать? Глубину? Небольшая, по-вашему, сколько?»

Вербицкий: «Ну, небольшая, десять сантиметров».

Суд замер: глубина воронки с полутора метров, как уверяли охранники Чубайса, сократилась до десяти сантиметров! Но не успевших еще до конца освоиться с такими дикими перепадами присяжных заседателей Вербицкий огорошил новым не менее поразительным признанием.

Прокурор: «Ваша машина после описанных событий была отремонтирована или до настоящего времени так и стоит?»

Вербицкий: «Нет, была отремонтирована».

Прокурор: «За чей счет и кто занимался ремонтом?»

Вербицкий: «Средства выделил РАО «ЕЭС», а ремонт делал автосервис».

Прокурор: «С Вами работал, наверное, представитель РАО «ЕЭС». Он не объяснил Вам, почему именно РАО решило отремонтировать Ваш автомобиль?»

Вербицкий: «Знаете, мне без разницы, хоть «Газпром».

Прокурор: «Ну а Вас не удивило вот такое желание РАО «ЕЭС?»

Вербицкий: «Ну, помогли и спасибо, что помогли».

Прокурор: «На какую сумму был произведен ремонт?»

Вербицкий: «Около двух тысяч».

Прокурор: «Двух тысяч чего?»

Вербицкий: «Долларов».

Щекотливый и очень неприятный для обвинения вопрос о неожиданной щедрости РАО «ЕЭС России» пытается скомкать адвокат Чубайса Шугаев: «*Так какой глубины была воронка?*»

Вербицкий неумолимо: «*Десять сантиметров*».

Адвокат Коток: «Видели ли Вы какие-либо предметы у воронки, на шоссе: болты, гайки, пули?»

Вербицкий: «Нет. *Болтов, гаек, пуль не видел*. А вот осколки стекол видел».

Подсудимый Найденов: «Вы осматривали корпус Вашей машины после взрыва?»

Вербицкий: «Конечно».

Найденов: «*В корпусе Вашей машины пулевые повреждения были?*»

Вербицкий: «*Нет*».

Найденов: «*Осколочные повреждения были?*»

Вербицкий: «*И осколочных не было*».

Казалось бы, такие простые вопросы и столь же ясные простые ответы, но как же мощно прогрехотали они на суде, подрывая и сметая опорные моменты следствия, утверждающего в обвинительном заключении, что именно автомашина И. Я. Вербицкого прикрыла собой бронированный БМВ Чубайса от трагической развязки, когда БМВ за секунды до взрыва пошел на обгон «Жигулей». Только поэтому, – утверждало следствие, – Чубайс уцелел. Но, оказывается, на самой «девятке», ставшей щитом чубайского БМВ, нет ни осколков от фугаса, ни следов от пуль. Они что, пули с осколками, резво скакали через «жигуленка», гоняясь за бронированной иномаркой?!

«Кем и когда была произведена оплата ремонтных работ Вашей машины в автосервисе? Это была платежка или наличные деньги?», – принялась уточнять судья.

Вербицкий: «Сначала я отогнал машину в сервис, они определили, сколько это будет стоить. Калькуляцию я отвез в РАО «ЕЭС».

Судья: «Почему Вы повезли калькуляцию в РАО «ЕЭС»?»

Вербицкий: «Раз они мне предлагают, мне что, отказаться?»

Судья: «А кто предложил и когда?»

Вербицкий: «Ну, я сейчас не помню, прошло пять лет».

Судья: «А какое отношение РАО «ЕЭС» к этому имело, не знаете?»

Вербицкий: «Ну, раз говорят, Чубайс там ехал, на тот момент он ведь был Председателем...».

Судья не дает ему договорить: «А почему Вы в суде не упоминаете Чубайса вообще и делаете вид, что вообще Вам не известно, кто ехал?»

Вербицкий: «Вам одно говоришь, а Вы другое совсем... Пять лет одно и то же!»

Но вопрос – с какой стати РАО «ЕЭС» вдруг проявило абсолютно не свойственную ему заботу о стороннем для него человеке, что очень похоже как на подкуп свидетеля, так и на стремление заткнуть свидетелю рот, – вопрос этот так и остался судом не выясненным.

Свидетели-фантомы и лесовозы-призраки (Заседание одиннадцатое)

Есть в юриспруденции такое понятие как вещественное доказательство по делу, – вещдок. Все материальные свидетельства, доказывающие, что преступление совершено и обвиняемые лица к нему причастны, следствие накапливает в особых хранилищах, чтобы предъявить потом на суде. В деле о покушении на Чубайса таковые тоже имеются. Прокурор предложил присяжным заседателям обозреть вещдоки, и процесс обозрения с величайшим интересом наблюдали все присутствующие на суде.

Обозрение началось с конфуза. Адвокат Чубайса Шугаев в «возражении на действия председательствующего судьи» возмутился, что Пантелеева позволила стороне защиты обратить внимание присяжных на характер повреждений чубайсовского БМВ в то время, когда они рассматривали фотографию пострадавшей бронированной машины.

«Только при осмотре вещественных доказательств, – назидательно поучал судью Шугаев, – лица имеют право обращать внимание присяжных на существенные для дела обстоятельства».

«Сторона обвинения будет предъявлять автомобиль БМВ в качестве вещественного доказательства?» – уточнила судья у прокурора и сама не ожидала, что попала в чрезвычайно болезненное место обвинения.

«*На д-данной с-стадии н-нет*», – поперхнулся прокурор, кляня про себя Шугаева, который подозрительно притих. Было от чего запаниковать обвинению. Не от хорошей жизни принародно врал судье господин прокурор Каверин. Потому как главный вещдок происшествия на Митькинском шоссе – чубайсовский БМВ с простроченными стежками пуль на капоте, способный правдиво рассказать, что за фугас взорвали на его пути, каков был заряд по составу и мощи, как далеко заряд залегал от машины, и сколько потом было стрелявших по нему, из чего и чем стреляли, – так вот этот вещдок вскорости после случившегося на Митькинском шоссе был спешно продан. Почему следствие поторопилось избавиться от столь ценного вещдока, суду еще предстоит выяснить. Интересно уже то, что прокурор утаил от судьи правду, не сказал ей, что ни сегодня, ни завтра обвинение не сможет представить БМВ, и не просто промолчал прокурор, уклонился от ответа судьи, он соврал, заложив в протоколе под себя мину. Будем ждать теперь, когда она рванет. А пока прокурора с головой поглотили другие заботы. Он принялся оглашать список вещдоков, в котором значились гильзы, фрагменты изоленды, фрагменты скотча, куски стекла от автомашины, аккумулятор, фрагменты железного гвоздя, листовой стали, полимерной пленки, а также оболочки от пуль, сердечники пуль, и всякие разные «не идентифицированные металлические объекты». Перечень настолько реально напомнил мусорную свалку, что судья всерьез встревожилась: «Я надеюсь, что окурки-то предъявлять не будете?»

Окурки среди вещдоков действительно значились. Два заседания назад прокурор буквально умучил присутствующих подробным описанием окурков «Золотой Явы», «Кента», «Парламента», найденных на обочине вблизи места взрыва. Назывались длина недокуренного остатка в миллиметрах, вымерялось расстояние окурков друг от друга. Сами «объекты» проходили под номерами – 1, 2... 15... Признаться, я никогда еще не видела, чтобы с такой серьезностью демонстрировали публике мусорную свалку. Прокурор ставит на стол опечатанную картонную коробку, взламывает печати, извлекает тщательно упакованный мусор – куски изоленды желтого цвета, белые мешки из-под сахара, смятые целлофановые пакеты... Из громающих картонных коробок Каверин, как фокусник на манеже цирка, извлекал банки, стаканчики, коробочки с металлическим хламом – фрагментами начинки фугаса... Защита просит уточнить, откуда это «добро». Судья: «Уважаемые присяжные, может быть, Вам и непонятно,

что предъявляется, и откуда это взято, но Вы, возможно, поймете позже. Ведь невозможно вложить в ваши головы всю информацию сразу».

Прокурор достает тщательно свернутые туристические коврики – «фрагменты полимерного материала», на которых, по версии обвинения, лежали в засаде автоматчики. Прокурор предлагает присяжным их пощупать. Щупать коврики никто не решается, их складывают в углу. Перед глазами присяжных мельтешат «обрезок нитки с места происшествия», аккумуляторная батарея, бытовой переключатель, провода, панель из пластика... Как главное блюдо пиришеского стола, в зал вносят основной документ обвинения – «Журнал суточных сводок ЧОП «Вымпел-ТН», в котором охрана Чубайса фиксировала все потенциальные угрозы «охраняемому объекту». Зачитываются две справки от 10 и 17 марта 2005 года. В первой сообщается о группе подозрительных мужчин у станции Жаворонки в 7.50 утра, во второй – о взрыве БМВ и Мицубиси на Митькинском шоссе. Скупое, сжато, но с деталями, от которых на суде те же самые охранники – авторы журнала – отклонялись весьма далеко.

Миронов: «В данном журнале отсутствует нумерация страниц. В справке нет подписей лиц ее составлявших. В документе отсутствует время его составления, какие-либо печати, что свидетельствовало бы о его подлинности».

Квачков: «За справкой от 17 марта 2005 года сразу следует справка от 2–3 августа того же года. Неужели столько времени охранники жили без всяких потенциальных угроз охраняемому лицу, и это сразу после неудавшегося покушения?»

Закалочный, адвокат Яшина: «Журнал представляет собой скоросшиватель. Такая структура журнала позволяет изымать и удалять листы, а также вставлять их. Поэтому невозможно установить, когда появились в журнале эти справки».

Судья прерывает адвоката и просит присяжных оставить без внимания слова стороны защиты. Ее интересует, кто писал справки.

«Я писал справку от 10 марта», – поднимается водитель Хлебников.

Яшин: «В справке указано, что группа мужчин появилась на станции Жаворонки в 7.50 утра, а уехала в 9.35. Вы это своими глазами видели?»

Хлебников: «Нет, я лично сам этого не видел. Справка пишется коллективно».

Першин, адвокат Квачкова: «Кто конкретно видел, что группа мужчин уехала в 9.35 со станции?»

Хлебников: «Сотрудники второго экипажа Ларюшин и Кутейников».

Ошеломительная новость! **Никто никогда за пять лет расследования, допросов, судов не слышал ни про Ларюшина, ни про Кутейникова, ни про второй экипаж сопровождения Чубайса вообще.**

Першин: «Почему Вы не сообщили, что Ларюшин и Кутейников видели, как группа мужчин уезжала со станции?»

Хлебников: «Меня об этом никто не спрашивал».

Першин: «Объясните, почему второй экипаж оказался на круге 10 марта?»

Хлебников: «А откуда Вы знаете?»

Першин изумленно: «Вы сами сказали... А 17 марта второй экипаж был в Жаворонках?»

Хлебников: «Может, и был».

Михалкина: «Кто из двух экипажей именно так описал внешность группы мужчин на станции Жаворонки 10 марта?»

Хлебников: «Что мне продиктовали, то я и написал, а кто диктовал – не помню».

Квачков: «17 марта второй экипаж уходил к РАО «ЕЭС», чтобы там встретить БМВ Чубайса?»

Хлебников: «Не помню».

Квачков: «К даче Чубайса 17 марта вы ехали с этим экипажем вместе или порознь?»

Хлебников: «Не помню».

Яшин: «Почему за пять лет Вы только сегодня упомянули, что второй экипаж присутствовал в этом районе 10 марта и 17 марта?»

Судья почему-то снимает вопрос.

Заключенный: «Почему за пять лет мы впервые слышим такую версию и почему второй экипаж до сих пор не допрошен?»

Но и этот вопрос судьей снят.

Так как же узнать хоть что-нибудь про таинственный «второй экипаж», про этих двоих Ларюшина и Кутейникова, которые, как фантомы, оказывается, везде присутствовали, все видели, документы составляли, но в уголовном деле как свидетели напрочь отсутствуют?..

Свидетель по вызову (Заседание двенадцатое)

Любое событие становится непреложным историческим фактом, если у него есть очевидцы или, выражаясь языком юриспруденции, свидетели. Свидетель – лицо, видевшее нечто, лицо запечатлевшее это нечто в памяти и поведавшее об этом миру. Как всякое лицо, свидетель может оказаться субъективным, избирательным в своих пристрастиях или зависимым, то есть быть подверженным давлению, подкупу, уговору, даже если делает вид, что он абсолютно беспристрастен. А бывает и так, что свидетеля определяют заранее, и он оказывается в нужное время в нужном месте, чтобы засвидетельствовать нужное следствию.

Присяжным заседателям после потерпевших представили первого свидетеля обвинения – милицейского подполковника Сергея Иванова, в марте 2005 года служившего начальником штаба батальона ДПС. Повествовал он ладно и складно: «Был я в тот день ответственным по подразделению. Дежурный сообщил, что на Минском шоссе идет перестрелка. Я сел в машину и поехал выяснить, что и где происходит. Все эти события происходили не на нашей территории обслуживания. Я выдвинулся по Минскому шоссе, доехал до перекрестка, потом чутьем почувствовал, что надо ехать налево. Подъезжаю, а навстречу мне машина простреленная катит, Мицубиси, ну, прямо в лоб. Приехал на место происшествия. Посмотрел. Ко мне подошли люди, показали пробоины, повреждения. Моя задача – экипажи подтянуть, огородить место...».

Прокурор: «В какое время Вы получили информацию о стрельбе?»

Иванов: «Точно не помню, где-то в 9.28 – 9.33».

Прокурор: «До поворота с Минского на Митькинское шоссе Вы каких-либо людей, машины замечали?»

Иванов зачастил: «Когда много работаешь, все обозреваешь. Я выехал, полетел. Скорость 100–120 километров в час. Я всегда обращаю внимание, когда автомашины стоят на обочинах... Лично я всегда смотрю, почему машина стоит. Не доезжая метров 600–700 в сторону Москвы, на противоходе, возле садового товарищества, там есть еще пара пеньков, на которых люди отдыхают, смотрю – иномарка. Голова одна уже в машине, а другая – заходит, и машина с пробуксовкой начинает уходить».

Прокурор: «Так куда эти две головы садились?»

Иванов поясняет: «Машина находится в начале полудвижения. Один человек уже сел в нее, одна шапочка у него торчала, а другой человек сажился, оба – на заднее сиденье...».

Прокурор: «Что за машина была?»

Иванов: «Ну, теперь-то я знаю, а тогда – иномарка и все. Запомнил фрагмент номера. Потом приехал на пост, посмотрел систему «Поток», нашел этот номер и сразу определил – СААБ и все. Мой разговор по рации, когда я о фрагменте номера говорил, наверное, подслушали. И поэтому когда я с места происшествия на пост поехал, то увидел на месте, где СААБ стоял, уже кто-то работы вел. И уже объявили план-перехват. Я еще говорю: «Подождите-подождите, сейчас я по системе «Поток» уточню – тогда объявите».

Картина вырисовывалась красочная. На скорости 100–120 километров в час едет тогда еще майор Иванов, руководимый чутьем, но едет точно к месту взрыва, не останавливаясь нигде, не притормаживая, успевает заметить на противоположной обочине иномарку, отчетливо видит двоих садящихся в нее и запоминает номер! Но каковы следователи! Они же отобрали майора, украли его славу, как свидетельствует Иванов, подслушав сообщение Иванова своему начальству о фрагменте номера встреченной им иномарки, не проверив даже ее полные данные по системе «Поток», объявили план-перехват этой машины! Но вернемся к резонным вопросам прокурора: «Чем Вам показалась подозрительной эта автомашина?»

Иванов впервые задумался: «Ну, автомашина стоит уже готовая к движению, а тут человек еще не сел в машину, а она уже пошла. У меня чисто интуиция сработала. Я и сегодня, когда сюда ехал, примерно половину машин видел подозрительных».

Прокурор: «Что представляет из себя система «Поток»?

Иванов: «Она считывает номера автомашин. Может скорость измерить».

Прокурор: «В том месте, где иномарку видели, какие-либо еще машины стояли?»

Иванов: «Больше не было».

Прокурор: «В момент, когда автомашина трогалась, находился ли в ней водитель?»

Иванов озадаченно: «Без водителя машина не поедет. Кто-то был».

Прокурор: «Вы его видели?»

Иванов: «Нет, машина была грязная. И потом у меня профессиональное чутье – я смотрю на номера».

Прокурор: «Во что были одеты люди, сядившиеся в автомашину?»

Иванов: «Во что-то темное».

Прокурор: «Теперь поподробнее: что Вы увидели на месте происшествия?»

Иванов напряженно и осторожно: «Пара машин стояла разбитых. На дороге земля разбросана, как курам корм бросают. Люди мне говорят: в нас вот оттуда стреляли. Я близко к воронке не подходил, может что еще не разорвалось. **Воронка глубиной сантиметров девяносто, до полутора метров. Шайбы разбросаны...**».

Квачков: «Кроме чутья, какие были у Вас основания выехать на происшествие за пределы зоны Вашей ответственности?»

Иванов бодро и бойко: «Я, как сотрудник милиции, могу пресекать противоправные действия на всей территории России».

Квачков: «Кем, когда и в каком документе 17 марта 2005 года зафиксировано сообщение о взрыве и обстреле кортежа Чубайса?»

Иванов: «Я не знаю, записал это дежурный в книгу или не записал».

Квачков: «В Ваши обязанности входит контроль за ведением документации?»

Иванов: «Входит».

Квачков: «А как часто обстреливают машины в зоне Вашей ответственности?»

Иванов: «Первый раз».

Квачков: «И Вы сочли этот эпизод незначительным и не внесли его в служебный журнал?»

Вопрос снят.

Квачков: «На каком расстоянии Вы заметили СААБ?»

Иванов: «На расстоянии от 70 до 90 метров».

Квачков: «И Вы смотрели на эту машину, двигаясь ей навстречу со скоростью 100–120 километров в час?»

Иванов не без гордости: «Я могу три минуты смотреть в одну сторону и в другую, и вижу все. Меня отец учил видеть все на триста шестьдесят градусов. Я глядел на машину и видел, как в нее садились люди и она двигалась».

Квачков: «Фрагмент номера Вы видели ясно? Вы же сами сказали, что машина была грязная?»

Иванов: «Я запомнил – либо 226, либо 626».

Квачков: «Когда давали в тот день показания, Вы уже знали номер машины СААБ?»

Иванов: «Да».

Квачков: «А почему не сообщили о нем следователю?»

Иванов, резко сбавив тон, бурчит: «Не помню».

Квачков: «После введения плана-перехвата машина СААБ могла пройти в обратном направлении в Москву?»

Иванов: «Могла».

Квачков: «Так почему ее не задержали?»

Иванов: «Не знаю».

Квачков: «Вы готовы участвовать в эксперименте – запрыгнуть в заднюю дверь тронувшегося с места СААБа?»

Иванов хмыкает: «Я что – плохо воспитан?»

Квачков: «*Сколько человек было в Мицубиси, когда Вы ее встретили?*»

Иванов: «*Два, это точно. Может и больше*».

Ух, ты! У многих дух перехватило. Мне показалось в тот момент, что сторона Чубайса дружно побледнела. Еще бы!: и Моргунов, и Клочков, и Хлебников из машины сопровождения Чубайса, стоя на том же самом месте, где сейчас стоял подполковник Иванов, всего лишь несколько дней назад убеждали суд, что Моргунов на Мицубиси с места взрыва уехал один и никого, это все они подчеркивали особо, никого с места происшествия не вывозил, а Иванов без всяких сомнений, уверенно свидетельствует, что в Мицубиси было не менее двух человек, да еще и подчеркивает «это точно».

Квачков: «Люди, которые вышли к Вам из Мицубиси, они сообщили Вам номер лесовоза?»

Иванов изумленно: «В первый раз слышу!»

И снова все затаили дыхание, ведь Хлебников уверял суд, что Моргунов для того именно и уехал, бросив товарищей под обстрелом, чтобы немедленно сообщить милиции номер загадочного лесовоза!

Адвокат Першин: «Через какое время после сообщения о стрельбе Вы оказались на месте происшествия?»

Иванов: «Через семь-десять минут».

Першин: «Вы один выехали?»

Иванов: «Один».

Першин: «А почему Вы выехали один на место, где идет стрельба?»

Иванов: «О том, что идет стрельба, я мог только догадываться, я сначала информацию просто проверял».

Першин: «Выходит, то, что шла стрельба – это только Ваши предположения?»

Судья снимает вопрос.

Подсудимый Миронов: «Вы сказали, что Мицубиси была прострелена. Повреждений лобового стекла не заметили?»

Иванов: «Не могу сказать, не врезалось в память».

Странная какая-то память бывшего майора: то фиксирует фрагмент номера за 100 метров на скорости в 120 километров, то в упор не видит растрескавшегося лобового стекла Мицубиси, выехавшего на него лоб в лоб.

Миронов: «Двух человек, которые вышли из Мицубиси, Вы можете описать?»

Иванов: «Люди и люди. Я не физиономист».

Миронов: «Пассажиры Мицубиси покинули автомашину?»

Видно было, как волнуется сторона обвинения. Это не прошло мимо внимания свидетеля. Он попытался выпутаться из щекотливой ситуации: «Я остановился, когда Мицубиси выехал мне прямо в лоб. Обычно от милиции бегут, а тут ко мне все кинулись. Я не понял – то ли это люди из Мицубиси, то ли не из Мицубиси».

Первый же свидетель обвинения с треском провалил показания потерпевших, и так не сводивших концы с концами. Но главное даже не это, а странное, ничем не оправданное появление майора Иванова в нужном месте и в нужное время – в зоне чужой ответственности, причмавшегося лично проверить информацию о стрельбе, полученную из так и не установленного ни следствием, ни судом источника. Попутно Иванов «совершенно случайно» заметил ино-

марку на обочине Минского шоссе и даже «на всякий случай» запомнил ее номер, и ухитрился по спецсвязи его кому-то выболтать, а майора кто-то подслушал и объявил план-перехват на СААБ... Не слишком ли много случайностей, заложивших следствию основу столь невиданного успеха, что уже через несколько часов после происшествия и машина известна, и сам подрывник установлен, брать которого прокуратура прибыла с огромной свитой журналистов и телекамер.

Нехорошая квартира (Заседание тринадцатое)

Представление о преступном мире большинство граждан России (которых, неведь почему, принято называть рядовыми гражданами, но именно из их среды выходят присяжные заседатели) черпает из телевизионных сериалов. Учитывая это, следователи с прокурорами, чтобы убедить заседателей, обвинительные заключения строят по канонам детективного жанра: преступный замысел, сговор преступной группы, слежка за объектом, нападение. Точно так же повела себя прокуратура и в деле о покушении на Чубайса. Вот строки обвинительного заключения: «При подготовке совершения преступления в феврале 2005 года участником организованной преступной группы Яшиным Р. П., представившимся в целях конспирации вымышленным именем Игорь, в срочном порядке была подыскана и снята квартира в пос. Жаворонки. Эта квартира использовалась членами организованной преступной группы в качестве временного места базирования, облегчавшего ведение наблюдения в непосредственной близости от места проживания Чубайса А. Б. в пос. Жаворонки, а также в качестве убежища».

Вскормленному на детективном кино воображению зрителя сразу предстает конспиративная квартира, куда, запутывая следы и наматывая круги дополнительных контрольных проверок «хвостов», со всеми предосторожностями прокрадываются злоумышленники по ночам, избегая любопытных глаз соседей. Здесь у них оружие, взрывчатка, маскхалаты, средства связи, само собой, бинокли, видеокамеры, фотоаппараты...

Когда прокурор в судебном заседании заявил о необходимости допросить хозяйку той самой конспиративной квартиры, а также ее подругу, зал суда застыл в напряженном ожидании, еще бы! впервые с начала судебного процесса, наконец-то, проглянуло нечто реальное, связывающее подсудимых с событиями на Митькинском шоссе. Свидетельницы пожилые, одной – 70, другой – 78 лет, что максимально гарантировало искренность их показаний.

Первой в зал суда вызвали Р. К. Филиппову, подругу хозяйки «нехорошей квартиры». Прокурор приступил к допросу: «При каких обстоятельствах и когда Вы познакомились с подсудимым Яшиным?»

Филиппова: «В феврале 2005 года этот мужчина пришел ко мне домой, представился Игорем и спросил, где можно снять квартиру».

Прокурор: «Как он выглядел?»

Филиппова: «В куртке, чисто выбритый, представительный, культурный. Подозрений не вызывал».

Прокурор: «Вы помогли ему снять квартиру?»

Филиппова: «Да, у моей подруги Валентины Александровны Гуриной муж умер, и она сдала Игорю квартиру».

Прокурор: «Игорь объяснял, для кого и на какой срок он хотел снять квартиру?»

Филиппова: «Он сказал, что где-то недалеко они будут работать, и ребятам надо поближе к работе жить. При нем я позвонила хозяйке квартиры, они договорились по телефону, и он приехал через дня два-три, чтобы отдать ей деньги».

Прокурор: «А далеко проживал Чубайс от дома Гуриной?»

Филиппова: «Недалеко, в десяти минутах ходьбы».

Прокурор: «Дорога, по которой Анатолий Борисович проезжал на работу, далеко?»

Филиппова: «*Кортеж мимо дома ездит*».

Прокурор: «*Дача Чубайса видна из окон квартиры Гуриной?*»

Филиппова: «*Нет, не видна. Она получается сзади дома*».

Прокурор: «Вам известно, в течение какого времени эти люди снимали квартиру?»

Филиппова: «С 17–19 февраля и, по-моему, в конце марта они уже съехали».

Прокурор: «Как Вы узнали, что они съехали?»

Филиппова: «Гурина мне позвонила, сказала, что не может до них дозвониться, чтобы уточнить, будут ли они снимать квартиру дальше. Сходи, – говорит, – узнай. Я зашла, открыла своим ключом. Никого в квартире не было. На диване белье было сложено. Съехали и все».

Подсудимый Миронов: «У Вас всегда был ключ от этой квартиры?»

Филиппова: «Всегда».

Миронов: «Вы имели возможность заходить туда в любое время?»

Филиппова: «В любое».

Миронов: «Замок постояльцы меняли?»

Филиппова: «Нет».

Зрители в зале суда разочарованы. Услышанное не вяжется с заявленной прокурором интригой. Если квартира конспиративная и там люди готовятся к преступлению, то почему так открыты для сторонних глаз, почему не боятся внезапного вторжения хозяйской подруги, у которой свой ключ от квартиры, а они даже не подумали сменить дверной замок, хотя известно, что женщины в таком возрасте, как никто другой, отличаются не только любопытством, но и излишней подозрительностью.

Подсудимый Яшин: «*Скажите, когда я пришел к Вам, я вообще имел представление, где квартира Гуриной находится?*»

Филиппова: «*Нет, Вы не знали. Это я Вам адрес дала*».

Яшин: «Видели ли Вы в квартире оружие, боеприпасы, бинокли?»

Филиппова: «Нет!»

Адвокат Закалюжный: «Вы наблюдали сами, каким образом Чубайс выезжает с дачи?»

Филиппова оживилась, вспоминая: «Был момент. Мы с внучкой дорогу собирались пере-ходить. Нас милиционер остановил. *Движение было перекрыто. Машин никаких не пропускали, прохожих тоже. Тогда постоянно выставляли милицию и дорогу перекрывали. Мы стояли и смотрели: одна машина впереди, другая – сзади, в середине машина с мигалкой. Милиционер патрульный нас остановил, чтобы дать Чубайсу проехать. Вот только точно не знаю, был ли там Чубайс или не был*».

Закалюжный: «В каком году это было?»

Филиппова: «В 2004-м, точно до взрыва».

Подсудимый Найденов: «*В Жаворонках знают, где живет Чубайс?*»

Филиппова: «*Да у нас все знают. Если б меня спросили, и я бы показала*».

Найденов: «Кроме Чубайса, там еще кто-нибудь из известных лиц проживает?»

Филиппова: «Только артисты, но они на кортежах не ездят».

Вместо сенсации одни сомнения. Если все жители Жаворонков знали, где проживает Чубайс, и каждый мог показать и рассказать, как и когда он каждый день выезжает, так чего там было месяц гурьбой торчать у окна, из которого дачи Чубайса вообще не видно? И если наличие Чубайса в кортеже невозможно определить даже стоя на тротуаре у бровки дороги, то что вообще можно разглядеть из окон четвертого этажа, глядя на проносящиеся внизу машины?

Еще одно очень важное свидетельство: Чубайс ездит кортежем из ТРЕХ машин, при этом гаишники перекрывают движение в Жаворонках. Следовательно, охранники Чубайса единодушно ввали о том, что Чубайс отправляется на работу как простой смертный и без охраны? Но если свидетель обвинения Филиппова сказала правду, – а с какой стати, какой смысл ей врать, – тогда зачем 17 марта 2005 года при выезде кортежа была удалена вторая машина охраны и отсутствовали гаишники на дороге?

Когда вошла хозяйка квартиры В. А. Гурина, прокурор начал с того: «При каких обстоятельствах Вы познакомились с подсудимым Яшиным?»

Гурина: «В 2005 году в феврале он пришел к моей подруге Римме Филипповой и спросил, не знает ли она, где можно снять квартиру. У меня тогда муж умер, квартира была свободна, я в Москве живу. Она позвонила ко мне, передала ему трубку. Так мы и познакомились».

Прокурор: «Ключи Вы ему отдавали?»

Гурина: «Да. Два ключа. И приезжала сама все время. Раза по два в неделю, обычно после обеда, в любой день».

Прокурор: «Кого Вы там встречали?»

Гурина: «Там ребята были, лет двадцати-двадцати пяти. Смотрели телевизор, готовили еду. Кто-то отдыхал. Двое-трое их обычно было».

Прокурор: «Вам известно, когда они съехали?»

Гурина: «Нет, дверь открыла, позвала – нет никого».

Прокурор: «Вам известно, что в Жаворонках проживал Чубайс?»

Гурина: «Конечно, об этом всему миру известно».

Прокурор: «Дорога, по которой ездил Чубайс, где проходит?»

Гурина: «Рядом с домом, но всю дорогу из окна не видно, только кусочек».

Прокурор: «Вы лично не видели, как Чубайс выезжает на работу?»

Гурина: «Нет, я такого счастья не достаивалась».

Прокурор: «Как Яшин объяснил, кто будет жить в квартире?»

Гурина: «Он сказал, что ребята будут жить. Мы, – говорит, – работаем на лесном участке, посменно».

Шугаев, адвокат Чубайса: «В квартире какие-то их вещи были?»

Гурина: «Две сумки были небольшие».

Шугаев: «Вы не спрашивали, что у них в этих сумках?»

Гурина удивленно разглядывает адвоката: «Вы как себе это представляете?»

Шугаев: «Как ребят звали?»

Гурина: «Два Алексея, Егор, Игорь...».

Шугаев: «О чем говорили?»

Гурина: «О детях, у кого-то из них дети были».

Шугаев: «Вы предупреждали о своем приезде?»

Гурина: «Нет, приезжала неожиданно».

Яшин: «Видели ли Вы в своей квартире оружие, боеприпасы, средства наблюдения, бинокли, кинокамеры?»

Гурина изумленно: «Нет, не видела».

Яшин: «Вы заходили в квартиру после взрыва?»

Гурина: «Да, в тот самый день. Я приехала, ребята смотрели новости по телевизору. Я им сказала: кто-то взялся за дело, а до конца доводить не умеет».

Разулыбался весь зал, даже адвокаты, как с одной, так и с другой стороны. Даже судья усмехнулась. Прокурор спрятал улыбку между листами уголовного дела. Бедный Чубайс! – вот истинная цена его популярности в народе.

Судья поспешила реабилитироваться за свою усмешку и строго спросила: «Как же Вы посчитали возможным сдать квартиру незнакомому человеку, даже не спросив его документов?»

Гурина нимало не смутившись: «А у меня там брать нечего!»

Судья: «Как же Вы могли зайти в квартиру с неизвестным человеком?»

Гурина отважно: «А я и сейчас зайду».

Судья: «Вы не спрашивали, зачем Яшину квартира в Жаворонках?»

Гурина рассудительно: «Зачем я буду спрашивать? Это же неприлично! У каждого свое дело».

Судья: «Если квартира снималась для ребят, которые работали, то почему они днем находились дома?»

Гурина: «Сказали, что работают по очереди. Меняются, пилят лес. А один из них постоянно был дома, еду готовил».

Судья: «Можно их было принять за рабочих?»

Гурина оскорбилась за весь рабочий класс: «А чем это рабочий человек от других людей отличается?! Если у кого с деньгами плохо, вот и работает, почему бы нет».

Судья уточняет: «Рабочая одежда у них была?»

«Я не проверяла», – все еще недовольная классовым высокомерием судьи бурчит старушка.

Судья: «Вы не спрашивали того, который постоянно был в квартире и готовил пищу, насколько человек он готовит?»

«Ну, неприлично же это спрашивать!», – Гурина назидательно повышает голос и с неприязнью смотрит на судью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.